

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение **высшего
образования**
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

Ступак Татьяна Романовна

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
Речевые средства выражения конфликта в конфликтогенных текстах

Направление подготовки Код 44.04.01 направление Педагогическое образование
Направленность (профиль) образовательной программы «Русский язык и литература в
поликультурной среде»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой доцент, кандидат филологических наук

Н.А. Бурмакина

«__» _____ 2026 г. _____ (подпись)

Руководитель профессор, доктор филологических наук

С.П. Васильева

Дата защиты «__» _____ 2026 г.
Обучающийся Т.Р. Ступак

«__» _____ 2026 г. _____ (подпись)

Оценка _____

РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация на тему «Речевые средства выражения конфликта в конфликтогенном тексте (на материале текстов социальных сетей)» изложена на 84 страницах, включает введение, три главы, заключение и список литературы.

Объектом исследования является речевой конфликт и механизмы его развития в тексте (или конфликтный дискурс и речевые проявления агрессии в тексте).

Предмет исследования составляют речевые средства (лексические, грамматические, синтаксические и графические), посредством которых выражается и интенсифицируется конфликт в данных текстах.

Цель работы заключалась в комплексном, многоуровневом описании системы речевых средств выражения конфликта в конфликтогенном тексте социальных сетей с учетом специфики коммуникативной среды и жанровой организации цифрового дискурса.

Методы исследования. В работе использовался комплекс методов, включающий: метод научного описания, обобщения и классификации для систематизации теоретического материала и речевых средств выражения конфликта; метод дискурс-анализа для характеристики коммуникативной среды социальных сетей и жанровой специфики конфликтных интернет-текстов; метод контекстуального анализа для выявления конфликтогенных речевых средств в конкретных текстах и определения их функций; элементы количественного анализа для установления корреляции между синтаксическими и графическими маркерами и стадиями конфликта; метод лингвостилистического анализа для квалификации экспрессивных синтаксических конструкций и графических приемов как маркеров речевой агрессии; а также метод педагогического проектирования для разработки методического обеспечения факультативного занятия. Обработка

эмпирического материала осуществлялась методом сплошной выборки из открытых сообществ социальных сетей.

Научная новизна исследования определяется следующими результатами:

- дано рабочее определение конфликтогенного текста применительно к цифровой коммуникативной среде и выделены его конститутивные признаки;
- описана жанровая специфика конфликтного интернет-текста и установлена функциональная взаимодополнительность поста и комментария в развитии конфликта;
- выявлена устойчивая корреляция между синтаксическими и графическими характеристиками текста и стадиями конфликта (инициация, эскалация, пик, затухание / трансформация).

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных результатов в нескольких сферах. В образовательной практике материалы диссертации могут быть использованы в преподавании дисциплин «Русский язык и культура речи», «Речевая коммуникация»; разработанное факультативное занятие «Речевой конфликт в социальных сетях: как распознать и что делать?» может быть внедрен в учебный процесс вузов и адаптированы для системы общего и дополнительного образования.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования апробированы в рамках IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде», 26 – 27 февраля 2026 г. (Красноярск КГПУ им. В.П. Астафьева) – в докладе ««Речевые средства выражения конфликта в конфликтогенных текстах», а также в публикации: Ступак Т.Р. Анализ лексических средств выражения конфликта в конфликтогенных текстах (на материалах социальной сети X) // Актуальные

проблемы изучения русского языка в поликультурной среде: материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 26 – 27 февраля / отв. ред. И.В. Ревенко; Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед.ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2025 (в печати).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения. Во введении обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи, охарактеризованы методы, научная новизна и практическая значимость. Первая глава посвящена теоретическим основам изучения речевого конфликта: рассмотрен конфликт как лингвистическая категория, определены признаки и функции конфликтогенного текста. Вторая глава содержит поуровневый анализ языковых средств интенсификации конфликта. Третья глава представляет собой методическую разработку факультативного занятия, направленного на формирование конфликтологической компетенции у студентов. В заключении обобщены результаты исследования, сформулированы основные выводы и намечены перспективы дальнейшей работы.

ABSTRACT

The master's thesis on the topic "Speech Means of Expressing Conflict in Conflictogenic Text (Based on Social Media Texts)" is presented on 84 pages and includes an introduction, three chapters, a conclusion, and a reference list.

Subject of the study — conflictogenic texts functioning within the social media environment.

Object of the study — speech means (lexical, grammatical, syntactic, and graphic) through which conflict is expressed and intensified in these texts.

Aim of the work was to provide a comprehensive, multi-level description of the system of speech means for expressing conflict in conflictogenic texts of social media, taking into account the specific features of the communicative environment and the genre organization of digital discourse.

Research methods. The study employed a set of methods, including: the method of scientific description, generalization, and classification — for systematizing theoretical material and speech means of expressing conflict; discourse analysis — for characterizing the communicative environment of social media and the genre specificity of conflictual online texts; contextual analysis — for identifying conflictogenic speech means in specific texts and determining their functions; elements of quantitative analysis — for establishing correlations between syntactic and graphic markers and stages of conflict; linguostylistic analysis — for qualifying expressive syntactic constructions and graphic devices as markers of speech aggression; and the method of pedagogical design — for developing methodological support for an elective class. Empirical material was processed using a continuous sampling method from open social media communities.

Scientific novelty of the research is determined by the following results:

The concept of conflictogenic text has been refined with respect to the digital communicative environment, and its constitutive features have been identified;

A four-level model of speech means for expressing conflict (lexical, grammatical / word-formational, syntactic, punctuation-graphic levels) has been developed and empirically verified;

The genre specificity of conflictual online texts has been described, and the functional complementarity of posts and comments in conflict development has been established;

A stable correlation has been identified between the syntactic and graphic characteristics of a text and the stages of conflict (initiation, escalation, peak, attenuation / transformation).

Practical significance of the work lies in the possibility of applying the obtained results in several areas. In educational practice, the thesis materials can be used in teaching courses such as "Russian Language and Speech Culture" and "Speech Communication"; the developed elective class "Speech Conflict in Social Media: How to Recognize It and What to Do?" can be implemented in university curricula and adapted for general and supplementary education systems.

Approbation of research results. The main provisions and results of the study have been presented at the IV International Scientific and Practical Conference "Current Issues in Studying the Russian Language in a Multicultural Environment," February 26–27, 2026 (Krasnoyarsk, KSPU named after V.P. Astafyev) — in the report "Speech Means of Expressing Conflict in Conflictogenic Texts," as well as in the publication:

Stupak, T.R. Analysis of Lexical Means of Expressing Conflict in Conflictogenic Texts (Based on Social Network X) // Current Issues in Studying the Russian Language in a Multicultural Environment: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, February 26–27 / ed. by I.V. Revenko; Electronic data / Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. Krasnoyarsk, 2025 (in press).

Thesis structure. The work consists of an introduction, three chapters, a conclusion, a reference list, and an appendix. The introduction substantiates the relevance of the topic, defines the subject and object of the study, formulates the aim and objectives, and characterizes the methods, scientific novelty, and practical significance. The first chapter is devoted to the theoretical foundations of studying speech conflict: conflict as a linguistic category is examined, and the features and functions of conflictogenic text are defined. The second chapter contains a level-by-level analysis of linguistic means of conflict intensification. The third chapter presents a methodological development of an elective class aimed at developing students' conflictological competence. The conclusion summarizes the research results, formulates the main findings, and outlines prospects for further work.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА.....	13
1.1. Конфликт как лингвистическая категория	13
1.2. Конфликтогенный потенциал коммуникативного пространства социальных сетей	17
1.3. Конфликтогенный текст: признаки и функции.....	21
1.4. Жанровая специфика конфликтного интернет-текста (комментарии, посты)	24
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВ КОНФЛИКТА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ.....	32
2.1. Лексические средства выражения конфликта.....	32
2.2. Грамматические средства выражения конфликта.....	40
2.3. Синтаксический и пунктуационно-графические уровни организации конфликтогенного текста	47
ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ РАСПОЗНАВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЧЕВЫХ КОНФЛИКТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	58
3.1. Необходимость формирования конфликтологической компетенции у студентов.....	58
3.2. Методические принципы разработки факультативного занятия «Речевой конфликт в социальных сетях: как распознать и что делать?»	60
3.3. Конспект факультативного занятия на тему «Речевой конфликт в социальных сетях: как распознать и что делать?».....	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
Список использованных источников	82
Приложение	89

ВВЕДЕНИЕ

Современное информационное пространство характеризуется значительным увеличением объема коммуникативных актов, многие из которых содержат скрытый или явный конфликтный потенциал. Цифровая среда, отличающаяся опосредованностью взаимодействия, анонимностью, снижением социального контроля и эффектом «ослабления сдерживающих факторов», создает благоприятные условия для возникновения и эскалации речевых конфликтов. Проблема конфликта, порождаемая высокой степенью конфликтности текстов в интернет-дискурсе, представляет собой устойчивый научный интерес для целого ряда гуманитарных дисциплин — от психологии и социологии до теории коммуникации и, прежде всего, лингвистики. Особый статус среди этих направлений приобретает лингвоконфликтология, которая фокусируется именно на речевой природе конфликтного взаимодействия. Выявление языковых маркеров конфликта и описание механизмов их функционирования в конфликтном поле позволяют определить те дискурсивные ресурсы, которые продуцируют возникновение речевой и психологической конфронтации между участниками коммуникации.

В конфликте как особой форме взаимодействия между субъектами важную роль играет речь, она выступает одновременно и средой его бытования, и основной формой внешнего выражения. Исследование конфликтных текстов представляет собой одно из наиболее востребованных и актуальных направлений в современной лингвистике, что обусловлено их существенным воздействием на общественное сознание. Подобные тексты способны не только транслировать информацию, но и формировать устойчивые негативные установки по отношению к отдельным социальным группам или индивидам, эффективно манипулировать общественным мнением, а также способствовать намеренному или непреднамеренному распространению дезинформации. В условиях

информационных войн, политической поляризации и роста социальной напряженности изучение природы конфликтогенности становится насущной практической необходимостью.

В этой связи комплексный лингвистический анализ конфликтогенных текстов, направленный на выявление и систематизацию специфических языковых средств, приобретает статус не только фундаментальной теоретической, но и прикладной социально значимой задачи. Понимание механизмов речевого воздействия в конфликтной коммуникации открывает возможности для разработки эффективных стратегий противодействия деструктивному влиянию, способствует созданию методик медиации речевых конфликтов и, в конечном счете, служит профилактике эскалации социальных противоречий. Таким образом, **актуальность** данного исследования обусловлена необходимостью системного, многоаспектного изучения конфликтного текста как уникального лингвистического феномена, играющего ключевую роль в современных коммуникативных процессах цифровой эпохи.

Объектом исследования является речевой конфликт и механизмы его развития в тексте (или конфликтный дискурс и речевые проявления агрессии в тексте).

Предмет исследования составляют языковые средства различных уровней, которые выражают конфликтность, формируют агрессивный или манипулятивный потенциал текста и служат маркерами эскалации речевого конфликта.

Цель работы – выявить, обобщить и классифицировать языковые средства выражения конфликта в конфликтогенных текстах интернет-дискурса, а также определить механизмы их воздействия на аудиторию (эмоционального, оценочного, поведенческого и перлокутивного характера).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- Определить и уточнить ключевые теоретические понятия исследования: «конфликт», «конфликтогенный текст», «языковая агрессия», «манипуляция», разграничив их объем и содержание в рамках избранного лингвоконфликтологического подхода.
- Отобрать и проанализировать репрезентативный корпус конкретных примеров конфликтогенных текстов из различных источников (СМИ, социальные сети, публицистика, форумы, блоги) с учетом параметров коммуникативной ситуации.
- Выявить типичные языковые конструкции и регулярно воспроизводимые средства, используемые для создания, поддержания и эскалации речевого конфликта в интернет-среде.
- Разработать многоуровневую классификацию выявленных языковых средств по уровням языка (лексика, морфология, синтаксис, стилистика, словообразование) и их прагматическим функциям (инвективная, манипулятивная, оценочно-дискредитирующая, эмотивно-провоцирующая).
- Рассмотреть возможности прикладного применения результатов исследования в образовательном контексте, в частности, при разработке факультативных курсов по коммуникативной компетентности и культуре речевого общения.

В ходе исследования применялся комплекс **методов**, включающий: семантический и концептуальный анализ для выявления значения конфликтогенных единиц; описательный метод для систематизации наблюдаемых явлений; дискурс-анализ для учета коммуникативного контекста; контекстуальный анализ для изучения окружения конфликтных маркеров; семантико-прагматический анализ языковых единиц.

Материалом исследования послужили посты и комментарии социальных сетей ВКонтакте и X (Twitter), отобранные методом сплошной выборки из

открытых источников социальных сетей за период 2025–2026 гг. Объем выборки – 293 единицы.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и углублении теоретических представлений о природе и языковых механизмах речевого конфликта, а также в уточнении понятийно-терминологического аппарата современной лингвоконфликтологии применительно к интернет-дискурсу.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для создания учебных и методических материалов по лингвистической безопасности и культуре речи, при разработке факультативных курсов для средней и старшей школы, направленных на развитие коммуникативной компетентности и профилактику речевой агрессии у обучающихся, в практике преподавания вузовских курсов по стилистике и психолингвистике.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА

1.1. Конфликт как лингвистическая категория

Конфликт как лингвистическая категория представляет собой сложное, многогранное явление, которое изучается в рамках коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, лингвоконфликтологии и других смежных дисциплин. Как отмечает П.Н. Хроменков, конфликт сопровождает человечество с давних времен, а современные средства массовой коммуникации стали полем вербальных конфликтов, возникающих на политической, этнической, культурной и социальной почве [Хроменков, 2011, с. 68]. Коммуникативный конфликт понимается как открытое столкновение противоположных позиций, интересов, взглядов и мнений субъектов взаимодействия. В основе такого понимания лежит теория речевых актов, согласно которой любое высказывание обладает иллокутивной силой, т.е. способностью осуществлять определённое коммуникативное намерение говорящего. В конфликтном дискурсе иллокутивная доминанта характеризуется столкновением вербально выраженных целей коммуникантов, что приводит к возникновению отрицательных эмоций в результате вербального воздействия оппонентов друг на друга [Белоус, 2008, с. 31].

Вербальный конфликт представляет собой наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе общения, заключающийся в противодействии субъектов и обычно сопровождающийся негативными эмоциями, выражаемыми языковыми средствами [Хроменков, 2011, с. 68]. Согласно исследованиям Н.А. Белоус, конфликтный дискурс представляет собой амбивалентное речевое взаимодействие собеседников в виде целостного конструктивного образования, иллокутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением знаний и эмоциональных состояний

оппонентов благодаря их вербальному воздействию друг на друга [Белоус, 2011, с. 54]. Важно подчеркнуть, что конфликт возникает в том случае, когда происходит столкновение базовых концептов коммуникантов. К числу наиболее типичных концептов, порождающих конфликт, относятся такие, как «долг», «обязанность», «вина/невиновность», «дозволенное/недозволенное», «своё/чужое», «бог» и другие. Различное восприятие указанных понятий и следование различающимся сценариям поведения, каждый из которых для отдельного коммуниканта кажется единственно верным, создают когнитивный разлад, на базе которого и возникает конфликтная речевая ситуация [Белоус, 2008, с. 58].

Важно различать рациональные и эмоциональные конфликты. Рациональный конфликт, как правило, ограничивается сферой деловых или идеологических разногласий, не переходя на личностный уровень. Эмоциональный же конфликт характеризуется переносом внимания с предмета спора на личность оппонента, что находит прямое отражение в специфическом вербальном сопровождении: использовании инвективной лексики, оскорблений, уничижительных характеристик [Хроменков, 2011, с. 69]. Именно эмоциональные конфликты представляют наибольший интерес для лингвистического анализа, так как их языковая составляющая наиболее ярка и экспрессивна. Эмоциональная насыщенность конфликтного дискурса тесно связана с действием механизмов психолингвистического порядка, в частности с феноменом когнитивного диссонанса, который возникает в результате нарушения когнитивных принципов организации информации в дискурсе и рассогласования прагматических принципов его построения [Белоус, 2008, с. 57].

В основе лингвистического изучения конфликта лежит понимание того, что язык является не только средством передачи информации, но и инструментом воздействия, манипуляции, выражения агрессии и противостояния. Как подчеркивает Т.Г. Винокур, именно прагматика и

психолингвистика отражают закономерности развития лингвистического познания личности, одним из способов существования которой является вербальный конфликт [Винокур, 2009, с. 196]. С лингвопрагматической точки зрения конфликтный дискурс подразделяется на три типа в зависимости от степени намеренности коммуникантов:

1) абсолютно намеренные конфликты (оба участника заранее осведомлены о противоположности целей и готовы использовать конфликтные маркеры);

2) частично намеренные (один из участников осознаёт несовпадение целей и заранее готовит конфликтные тактики);

3) случайные (один из участников спонтанно меняет речевую тактику и непреднамеренно насыщает дискурс конфликтными единицами) [Белоус, 2006, с. 54].

Конфликтный дискурс представляет собой сложное явление, анализ которого требует учета множества факторов. Его структура включает следующие компоненты:

1. Участники (коммуниканты): адресант (инициатор конфликта) и адресат (мишень воздействия). В условиях интернет-коммуникации важнейшим фактором, усиливающим конфликтность, становится анонимность, приводящая к деиндивидуализации личности и снижению личной ответственности за высказывания [Рольгайзер, 2023, с. 739]. Согласно исследованиям Н.А. Белоус, речевое поведение участников конфликтного дискурса определяется тремя типами отношений: доминирования, подчинения и, в редких случаях, равноположенности, которые реализуются в фамильярном, непринужденном, нейтральном, формальном и возвышенном коммуникативных регистрах [Белоус, 2008].

2. Коммуникативное намерение (интенция): центральным понятием является интенция говорящего, которая может быть провокационной, манипулятивной, дискредитирующей или оскорбительной. Именно интенция

определяет выбор языковых средств. В конфликтном дискурсе иллокутивная доминанта представляет собой противостояние или столкновение коммуникативных целей участников целенаправленной речевой деятельности, перлокуция которой характеризуется наличием отрицательных эмоций благодаря вербальному и невербальному воздействию коммуникантов друг на друга [Белоус, 2006, с. 53]. Прагматическая пресуппозиция — содержательная репрезентация взаимоотношений коммуникантов в момент общения — доминирует и определяет выбор средств актуализации высказываний, запускающих механизм конфликтного дискурса [Белоус, 2008].

3. Языковые средства (конфликтогены): это конкретные лексические, грамматические и стилистические единицы, несущие в себе конфликтный потенциал. К числу интенсификаторов конфликтного дискурса относятся цейтнот времени, диссонанс коммуникации и обстановки, иерархическая дистанция, разница в воспитании и образовании, различное представление о системе долженствования, а также социальное поведение участников как внешнее проявление их позиций и ожиданий. Напротив, к прагматическим нейтрализаторам конфликтного дискурса относят достаточное время для решения вопросов, располагающую к общению обстановку, нивелирование маркеров иерархической дистанции, сходные уровни воспитания и образования, а также симультанные позиции, ожидания и ориентации индивидов [Белоус, 2006, с. 53].

4. Невербальный и креолизованный компонент: в современных медиатекстах конфликт зачастую выражается не только с помощью вербальных средств. Креолизованные тексты, сочетающие вербальную часть с визуальной (карикатуры, мемы, эмодзи, специфическое форматирование), обладают повышенным суггестивным воздействием [Рогожникова, 2019, с. 33]. В бытовом конфликтном диалоге невербальные компоненты речевого поведения также играют существенную роль, особенно в условиях тесной

эмоциональной связи и высокой эмоциональной вовлечённости участников общения.

Таким образом, конфликт как лингвистическая категория представляет собой сложное, многогранное явление. Он реализуется в дискурсе через систему специальных языковых маркеров (конфликтогенов) и речевых стратегий, направленных на дискредитацию, манипуляцию или прямое вербальное агрессивное воздействие на адресата. Понимание структуры конфликтного дискурса, включающей участников с их социальными ролями и психотипическими характеристиками, коммуникативные интенции, языковые средства реализации конфликта и невербальные компоненты, создают теоретическую основу для последующего анализа конкретных конфликтогенных текстов и разработки методов профилактики и разрешения речевых конфликтов.

1.2. Конфликтогенный потенциал коммуникативного пространства социальных сетей

Тексты социальных сетей, выбранные для анализа, представляют собой коммуникативную среду, которая не только отражает существующие формы конфликта, но и порождает новые, трансформируя традиционные механизмы агрессии. Как отмечает М.С. Парфёнова, концентрация информационных ресурсов в едином цифровом пространстве, анонимность пользовательских высказываний и отсутствие эффективного сетевого регулирования создают благоприятные условия для распространения деструктивных речевых практик, нарушающих общественный порядок [Парфёнова, 2025, с. 22].

Анализ социальных сетей как конфликтогенной дискурсивной среды требует выделения фундаментальных технико-коммуникативных параметров: опосредованности, дистанцированности, асинхронности и редуцированности невербального контекста. Совокупное действие этих факторов вызывает «эффект онлайн-расторможенности» [Suler, 2004, с. 323]

– тенденцию к речевому поведению, блокируемому в очной коммуникации социальными нормами.

Модель Сулера включает шесть факторов, из которых ключевыми являются:

- Диссоциативная анонимность и невидимость – отделение онлайн-идентичности от офлайн-личности, иллюзия безнаказанности, ослабление самоконтроля и снижение внутренних запретов на агрессию. Анонимность позволяет людям отделить свои действия в интернете от офлайн-идентичности, создавая чувство отстранённости и снижая ощущение уязвимости. Такое отделение от последствий ненормативного поведения в реальной жизни побуждает людей вести себя так, как они не решились бы при личном общении. В российском сегменте социальных медиа, как показывают исследования, анонимность выступает одним из главных катализаторов «языка вражды», позволяя пользователям транслировать дискриминационную повестку без опасения личной ответственности [Парфёнова, 2025, с. 22].
- Асинхронность – временная пауза между стимулом и ответом, позволяющая сконструировать максимально болезненный для оппонента удар и дистанцироваться от высказывания после публикации, что придаёт конфликтному тексту пролонгированный характер. Дж. Сулер связывает с этим фактором феномен «эмоционального удара и бегства», при котором люди могут сначала эмоционально ярко вступать в онлайн-общение, а затем вовсе отказываться от разговора [Suler, 2004, с. 325]. Именно асинхронность даёт пользователям ощущение безопасности и отстранённости, позволяя им минимизировать психологические последствия собственных агрессивных действий.

- Отсутствие невербального контекста: нейтральное сообщение систематически интерпретируется как агрессивное, провоцируя конфликт даже при отсутствии объективного противоречия [Leuens, с. 345]. Данный феномен усугубляется тем, что текст в цифровой среде почти всегда воспринимается холоднее и жёстче, чем имел в виду автор: в живой речи смысл смягчают улыбка, интонация и паузы, тогда как в текстовой коммуникации эти паралингвистические маркеры отсутствуют, что приводит к иному восприятию текста.

Таким образом, особенности социальных сетей понижают порог вступления в речевой конфликт.

Ключевое отличие конфликта в цифровой среде от офлайн-ссоры – принципиальная публичность. Конфликт разворачивается перед широкой аудиторией, что определяет отбор речевых стратегий. Публичность приобретает особое качество вследствие недифференцированности публичного и межличностного общения: сообщение, адресованное конкретному пользователю, доступно неограниченному кругу лиц. Спор трансформируется из диалога с оппонентом в перформативный акт перед большим количеством интернет-пользователей. Как отмечает М.С. Парфёнова, виральность эмоционально заряженного контента и демократизация информации привели к размытию границ объективности, где количество просмотров, реакций и комментариев начинает преобладать над достоверностью сообщений [Парфёнова, 2025, с. 22].

Перформативная природа сетевого конфликта проявляется в ориентации участников на аудиторию: агрессивная реплика адресуется не столько оппоненту, сколько «своей» группе поддержки, чьё одобрение (лайки, репосты) подкрепляет конфликтное поведение. Согласно В.А. Шульгинову, стремление к социальной видимости, потребность в маркировании «своих/чужих» и сохранении групповых ценностей становятся главными

мотивами коммуникативного влияния. Речевая агрессия инструментализируется: из спонтанной эмоциональной реакции она превращается в осознанное средство самопрезентации в агрессивных тонах в условиях массового общения [Шульгинов, 2025, с. 330]. Сетевые сообщества формируют коллективную идентичность на основе противопоставления другим группам, что требует постоянного подтверждения через конфликт с «чужими». При обсуждении конфликтных тем (политика, религия, этнические отношения) уровень речевой агрессии повышается, а основным средством маркирования «чужих» выступают лексические прагматические маркеры конфликтности – языковые единицы с высоким когнитивно-прагматическим потенциалом, способствующие возникновению конфликтных ситуаций [Ляшева, 2003].

Важным фактором распространённости конфликтных текстов является само устройство социальных сетей, поощряющее конфликтную риторику. Алгоритмы ранжирования на основе метрик вовлечённости пользователей (лайки, комментарии, репосты) обеспечивают приоритетное распространение эмоционально насыщенного, чаще негативно окрашенного контента. Формируется среда, в которой провокация и эскалация конфликта становятся рациональными стратегиями. Рекомендательные алгоритмы не просто зеркально отражают пользовательские предпочтения, но активно формируют их, создавая замкнутые циклы обратной связи: каждый лайк и репост не только обучает алгоритм, но и переобучает самого пользователя, сужая спектр доступного контента и усиливая интенсивность эмоциональных реакций. М.С. Парфёнова также отмечает, что специфика языка вражды в российских социальных медиа сегодня выражается в его адаптации к алгоритмам социальных платформ: дискриминационная повестка смещается к инструментам визуализации контента — фотографиям, мемам, стикерам, GIF-анимации, хэштегам, видео и трансляциям, которые распространяют все

виды нетерпимости, обходя традиционные механизмы модерации текста [Парфёнова, 2025, с. 24].

Таким образом, социальная сеть выступает активным соучастником и катализатором конфликта, определяя его структуру, динамику, жанровое воплощение и языковой инструментарий. Полученные результаты формируют теоретико-методологическую рамку для анализа функционирования лексических, грамматических и синтаксических средств в реальных текстах пользователей. Как обоснованно заключает М.С. Парфёнова, специфика языка вражды в цифровой среде выражается в его имплицитности и способности адаптироваться к алгоритмическим механизмам платформ, что требует от исследователей особого внимания к неявным и визуализированным формам выражения конфликтогенности [Парфёнова, 2025, с. 2023].

1.3. Конфликтогенный текст: признаки и функции

Под конфликтогенным текстом понимается «речевое произведение (устное или письменное), содержащее конфликтные компоненты: слова, словосочетания, предложения, сверхфразовые единства, а также подписи, иконические знаки и т.д., которые могут вызывать конфликтные отношения говорящего (пишущего) и адресата информации, провоцируют конфликт и могут стать предметом судебного разбирательства» [Рольгайзер, 2023, с. 740]. В современной лингвистической литературе наблюдается терминологическая вариативность: наряду с понятием «конфликтогенный текст» используются термины «конфликтный текст» и «спорный текст». Ряд исследователей разграничивает указанные понятия: под конфликтным понимается текст, который уже стал причиной конфликта и объектом исследования в рамках юрислингвистической экспертизы, тогда как конфликтогенным признаётся текст, который потенциально может спровоцировать конфликт и явиться поводом для судебного разбирательства

[Ульман, 2016, с. 83]. Таким образом, ключевое различие заключается в актуальности перлокутивного эффекта: конфликтогенный текст обладает конфликтным потенциалом, который может реализоваться, а может и не реализоваться в зависимости от субъективного восприятия адресата, его образования, национальной принадлежности и ценностных установок. Таким образом, ключевое различие заключается в актуальности перлокутивного эффекта: конфликтогенный текст обладает конфликтным потенциалом, который может реализоваться, а может и не реализоваться в зависимости от субъективного восприятия адресата, его образования, национальной принадлежности и ценностных установок [Ульман, 2016, с. 84].

Н.В. Карповская выделяет три основных признака лексических маркеров конфликтогенности текста:

- отрицательная оценочность; в конфликтогенных текстах активно используется стилистически окрашенная лексика, инвектива, дискредитация, а также другие способы обострения конфликта, нацеленные на выражение негативного отношения к оппоненту. Отрицательная оценка может быть выражена как эксплицитно (прямые инвективы), так и имплицитно — через зоосравнения, иронические номинации и языковую игру [Иваненко, 2012, с. 71].
- эмоциональная окраска; данный признак неразрывно связан с отрицательной оценочностью: конфликтогенные единицы не просто констатируют негативное отношение, но и эмоционально его заряжают, воздействуя на аффективную сферу адресата. Эмоциональная окраска может усиливаться за счёт использования экспрессивных синтаксических конструкций (восклицательных предложений, повторов, парцелляции) и графических средств (капслок, эмодзи, знаки препинания) [Иваненко, 2012, с. 71].
- высокий когнитивно-прагматический потенциал в плане выражения агрессивности, воинственности, враждебности, нетерпимости и т.д.

[Карповская, 2022, с. 15]. Данный признак указывает на способность конфликтогенной лексики не только передавать информацию, но и формировать у адресата определённые установки, провоцировать ответную агрессию и влиять на его поведенческие реакции [Зубарева, 2024, с. 2].

В дополнение к этому другие авторы выделяют следующие признаки конфликтогенного текста:

- Установка на конфликт. Автор сознательно или скрыто выбирает коммуникативную стратегию и тактику, направленные на создание конфликтной ситуации. Выбор языковых и стилистических средств осуществляется для реализации этой цели [Рогожникова, 2019, с. 31]. Степень конфликтогенного потенциала текста определяет тип реактивного конфликтного сценария у адресата: сценарий ответного вхождения в конфликт либо сценарий разрешения конфликта. При этом в условиях естественной коммуникации количество конфликтных стратегий реагирования, как правило, преобладает над кооперативными, что свидетельствует о высокой степени «заражённости» речевой среды конфликтогенными установками [Тубалова, 2012, с. 33].
- Ориентация на определённую аудиторию. Конфликтогенный текст нацелен на конкретные категории читателей или слушателей с учётом их восприятия, социальных и культурных особенностей. Автор учитывает, как конфликтогенная информация будет воспринята и какова её цель — спровоцировать или вызвать реакцию [Ляшева, с. 2023, с. 2].

Таким образом, конфликтогенный текст представляет собой сложное, полифункциональное явление, сочетающее в себе признаки отрицательной оценочности, эмоциональной насыщенности и высокого прагматического потенциала. Понимание его признаков и функций создаёт теоретическую

основу для последующего эмпирического анализа конкретных текстов социальных сетей и выработки стратегий противодействия деструктивному речевому воздействию.

В медиапространстве конфликт выполняет ряд специфических функций:

1. **Аттрактивная:** конфликтный текст привлекает внимание аудитории, повышает вовлеченность и количество просмотров/комментариев [Кичева, 2013].
2. **Воздействующая (манипулятивная):** направлена на формирование у аудитории определенного (негативного) отношения к объекту критики, унижение его чести и достоинства [Рогожникова, 2019, с. 30].
3. **Конструктивная (в рациональном конфликте):** в некоторых случаях вербализация конфликта может способствовать выявлению и обсуждению реальных проблем общества.
4. **Дискредитирующая:** основная цель – подрыв репутации оппонента, его моральных и деловых качеств [Рогожникова, 2019, с. 29].

1.4. Жанровая специфика конфликтного интернет-текста (комментарии, посты)

Конфликтогенный текст всегда облечен в конкретную жанровую форму (пост, комментарий), которая задает вектор коммуникации, роли участников, объем высказывания и влияет на отбор речевых средств выражения конфликта. Как отмечает Г.С. Иваненко, жанровая специфика является фактором смыслообразования, определяющим декодировку семантических и прагматических аспектов текста; абстрагирование от языка жанра при интерпретации приводит к коммуникативному и, как следствие, правовому конфликту [Иваненко, 2012, с. 70]. Таким образом, анализ жанровых характеристик конфликтогенных текстов выступает неотъемлемой частью их комплексного лингвистического исследования.

Опираясь на теорию речевого жанра М.М. Бахтина и ее развитие в

цифровой коммуникации, мы рассматриваем жанр как модель, через которую реализуются конкретные речевые произведения. В контексте интернет-коммуникации жанр приобретает особые черты: гипертекстуальность, ахроничность интеракции, деперсонализацию и высокую степень анонимности, что, как показывают современные исследования, способствует быстрому расширению поля конфликтности в социальной реальности и мгновенному тиражированию провокативного, инвективного и враждебного контента [Бредихин, 2025, с. 339].

Пост – первичный, иницирующий жанр, открывающий коммуникативное событие, задающий его тему и тональность. Пост выступает тематическим «якорем» гипертекстового пространства, от его интенциональных и языковых характеристик зависит вероятность и интенсивность конфликта [Бредихин, 2025, с. 342]. Именно пост служит тем инфоповодом, вокруг которого выстраивается всё последующее коммуникативное взаимодействие, а его конфликтный потенциал определяется тем, насколько затрагиваемые в нём темы являются социально значимыми и поляризующими аудиторию [Гараева, 2023, с. 48]. Пост может быть провокационным (троллинг-пост, рейджбейт) либо приобрести конфликтный характер непреднамеренно через неоднозначность формулировок или поляризующую тему.

Условия формирования конфликтного поста находят наиболее концентрированное выражение именно в этом жанре. Анонимность автора позволяет оперативно публиковать экспрессивное высказывание, мгновенно становящееся достоянием аудитории. Как отмечает Э.И. Гараева, именно в постах, посвящённых острым социальным темам, выявляется высокая степень конфликтности: комментаторы демонстрируют негативное отношение к оппонентам, используя критику, непонимание и попытки навязывания своих взглядов. Исследователь также подчёркивает, что мемы и демотиваторы как разновидности постов обладают повышенным

суггестивным воздействием и способны эффективно передавать смысловые компоненты, вызывая у аудитории эмоциональные реакции, что делает их эффективным инструментом конфликтогенной коммуникации [Гараева, 2023, с. 48].

В рамках исследования выделяются разновидности конфликтогенных постов, различающиеся степенью конфликтогенного потенциала высказывания:

Пост-триггер — высказывание, прямо или имплицитно затрагивающее ценности или убеждения аудитории. Конфликт является предсказуемым, но побочным эффектом обсуждения острой темы. Даже нейтральный пост на социально значимую тему может стать триггером масштабного конфликта. Как показывают эмпирические исследования, основными причинами конфликтов в ответ на посты-триггеры становятся: критика выбора или образа жизни оппонента (*«какое же днище большинство свадеб. вот зачем эта клоунада? этот цирк со сборами денег на дочку/сына, танцевальные батлы, стихи-поздравления, это же в первую очередь праздник, а не театральная комедия для родственников?»* (X, 26.09.2025)), непонимание мотивов другой стороны (*«Для меня непонятно нежелание женщины родить детей. Как это возможно?»* (X, 03.02.2026)) и навязывание своих взглядов [Гараева, 2023, с. 49].

Пост-провокация — текст с сознательным использованием речевых приемов для выведения аудитории из равновесия (*«Для взаимопонимания полов: цветы для женщин, то же самое, что для нас вооон та игра в стиме, которая НУ ОЧЕНЬ нужна когда осталось 1000 рублей до зарплаты. Проявите понимание друг к другу»* (X, 25.04.2026)). Рейджбейт (rage bait) — контент, намеренно провоцирующий негативную эмоциональную реакцию; его отличие от случайной провокации — системность и осознанная стратегия (*«Мужчины в среднем хуже женщин во всём»* (X, 30.04.2026)). Алгоритмы платформ безразличны к тональности вовлеченности: отрицательные эмоции

распространяются быстрее и вызывают более сильный отклик. Как отмечают исследователи, явление троллинга в социальных сетях характеризуется как процесс размещения провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки путём нарушения правил этики интернет-взаимодействия [Гараева, 2023, с. 49].

Пост-самовыражение с агрессивной модальностью — вербализация автором собственного эмоционального состояния (гнев, возмущение) с использованием инвективной лексики. Агрессия направлена на выражение внутреннего состояния, но в силу публичности среды приобретает конфликтогенный потенциал (*«Животное ты и тебе подобные, которые всё лезут со своим уставом в чужой монастырь, и до которых не доходит, что вас волновать это ни как не должно, кто как говорит»* (X, 28.04.2026)). В таких постах наблюдается превышение допустимой нормы вульгаризации речи: чрезмерная насыщенность текста ненормативной лексикой, эмоционально-оценочными конструкциями и просторечными выражениями создаёт стилевой разрыв, который воспринимается адресатом как провокация, даже если агрессия изначально не была адресной [Лчшева, 2003].

Пост-разоблачение — публичное обвинение лица, группы или организации в нарушении норм, часто с призывом к коллективному осуждению (*«Я попала на это мероприятие, прикинулась фанаткой данного неоднозначного персонажа и готова рассказать шокирующую правду о вашем кудрявом любимчике Этот тред-разоблачение из Тбилиси о неэтичности, наглой лжи и провокациях со стороны Шамы. Погнали»* (X, 08.04.2025)).

Композиция конфликтогенного поста ориентирована на максимальный перлокутивный эффект: «крючок внимания» (провокативная формулировка, ложная дилемма), основная часть (конфликтогены, коммуникативные тактики негативного позиционирования), финальный призыв к действию

(репост, комментарий, осуждение) [Ким, 2024, с. 290]. Пост инициирует тему, монологичен, первичен и независим от стимульного высказывания. Пост тяготеет к большей развернутости и структурной оформленности, чем спонтанный комментарий, что усиливает конфликтогенный потенциал за счет продуманного отбора средств.

Комментарий — вторичный, реактивный жанр, в котором конфликт достигает наивысшей интенсивности. Это центральная среда конфликтной эскалации. Цель комментария — разъяснение, подтверждение, уточнение и критическая оценка исходного текста. Интернет-комментарий сочетает признаки традиционного комментария как вторичного жанра и особые признаки, обусловленные виртуальной средой: полисубъектность, преобладание модуса над диктумом (субъективно-оценочного начала над информационным содержанием), что создает почву для конфликта [Ким, 2024, с. 291].

Комментарий совмещает признаки устной и письменной речи: спонтанность, эмоциональная непосредственность, слабая контролируемость (характерные для устной реплики) облачаются в письменную форму и фиксируются публично.

Признаки конфликтогенности комментария:

1. Реактивная природа — быстрая, слабо контролируемая реакция на стимул (пост, новость, другой комментарий), сближающая комментарий с устной репликой в споре и объясняющая высокую концентрацию эмоционально-оценочной и инвективной лексики [Шульгинов, 2025, с. 329]. Как подчёркивают Н.П. Пешкова и Д.Р. Гилязова, специфика интернет-коммуникации заключается в том, что исходный текст порождает «встречные комментарии», часть которых, в свою очередь, сразу же становится новым объектом восприятия и стимулом для новых комментариев, что создаёт эффект бесконечной рекурсии [Пешкова, 2020, с. 9].

2. Краткость — ограниченный объем требует краткости, что ведет к активному использованию ярлыков, пейоративов, эрративов [Садыкова, 2019, с. 28]. В условиях ограниченного объема комментаторы прибегают к использованию стилистически сниженных единиц, которые ёмко и эмоционально заряженно передают негативную оценку оппонента. Как отмечают исследователи, конфликтогенность комментария во многом определяется плотностью лексических прагматических маркеров конфликтогенности, к числу которых относятся слова с отрицательной эмоционально-оценочной окраской, сознательно совершаемые речевые действия в ущерб другой стороне (упрек, обвинение, угроза, оскорбление) и имплицитные смыслы, запускающие конфликтный сценарий [Лчшева, 2003].
3. Позиционная закреплённость в ветке обсуждения — эффект «публичной сцены»: каждое высказывание видимо всем наблюдателям, автор действует с оглядкой на аудиторию, агрессивная реплика адресована не столько оппоненту, сколько «своей» группе поддержки [Садыкова, 2019, с. 28].

Все проанализированные комментарии могут быть отнесены к одной из категорий:

- Прямой агрессивный комментарий — адресован автору поста/комментатору, содержит эксплицитное оскорбление, угрозу, обесценивание [Пискун, 2024, с. 91] (*«Вывод, который она делает из этого видео, лишь подтверждает то, что фемки это довольно тупые женщины»* (X, 24.02.2025)).
- Косвенный агрессивный комментарий — формально адресован одному лицу, но реально нацелен на демонстрацию позиции аудитории: характеристики «чужих» в третьем лице, апелляции к групповой солидарности, призывы к коллективному осуждению (*«Не хотел бы я жить в том мире где рулят тупоголовые фемки»*

(X, 25.04.2026). Связан с оппозицией «свой — чужой» [Садыкова, 2019,].

- Мета-комментарий — высказывание не по существу темы, а о личности, стиле или коммуникативном поведении оппонента (*«Ахаха) факты есть? И что ты мне сделаешь кроме писанины в твиттере?) Я не от кого не скрываюсь» Ну а ты жалкое существо с низкой самооценкой, умеющее только лаять в сети» (X, 18.04.2025))».*
- ИмPLICITно-агрессивный комментарий использует скрытые формы речевой агрессии такие как ирония, сарказм, псевдо-вежливые формулировки (*«Ну что ты, мой хороший, не завидуй» (X, 18.06.2025), «это был не сарказм) но вы большой молодец, продолжайте учиться! думать впервые это всегда сложно!» (X, 26.04.2026))*

С точки зрения организации, жанр интернет-комментария характеризуется лучеобразным и волнообразным принципом: исходный пост порождает множество разнонаправленных реакций (лучеобразность), каждая из которых может вызывать новые реакции (волнообразность). Это создает эффект «снежного кома» — конфликт вовлекает новых участников и распространяется на смежные тематические линии. Как отмечают исследователи, данный эффект усугубляется фрагментарностью восприятия информации современными пользователями, особенно представителями молодёжной аудитории, для которых характерно клиповое мышление, отсутствие целостности восприятия и понимания текста, что приводит к повышенной конфликтности реакций [Пешкова, 2020].

Сопоставительный анализ жанров позволяет выявить их функциональную взаимодополнительность в общей динамике конфликтного интернет-дискурса пост инициирует конфликт, а комментарий обеспечивает его эскалацию. Как заключают исследователи, сетевое пространство

предполагает коммуникативное взаимодействие, характеризующееся деперсонализацией, гипертекстуальностью и ахроничностью интеракции, низкой ответственностью за продуцируемый контент, что делает жанровый анализ необходимым условием для понимания механизмов порождения и распространения конфликтогенных текстов [Бредихин, 2025, с. 341].

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВ КОНФЛИКТА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

2.1. Лексические средства выражения конфликта

Лексический уровень языка рассматривается как наиболее очевидный и прямой способ экспликации речевой агрессии. Именно лексические единицы, обладающие негативной оценочной семантикой, выступают своего рода «ядром» конфликтогенного текста, обеспечивая наиболее интенсивную и непосредственно считываемую адресатом форму выражения враждебности. В пространстве социальных сетей, однако, лексическая агрессия приобретает ряд специфических черт. В цифровой среде формируется система лексических средств, организованная по степени эксплицитности агрессии: от максимально прямых форм (инвективная и обценная лексика) к относительно новому для лингвистического анализа пласту — хейтерскому сленгу и идеологически нагруженным эрративам, а также к имплицитным формам речевой агрессии, маскирующим враждебность под иронию, сарказм или псевдо-нейтральные номинации.

Центральное место в системе лексических средств вербализации конфликта занимает инвективная лексика, выполняющая функцию прямого речевого воздействия на адресата. Ее использование является наиболее явным и диагностируемым сигналом конфликтного коммуникативного акта, поскольку она непосредственно нацелена на деструкцию социальных связей и нанесение психологического ущерба. Под инвективой в современной лингвистике понимается вербальное оскорбление, выраженное средствами языка и направленное на понижение социального статуса адресата, нанесение ущерба его чести и достоинству [Пискун, 2024, с. 92].

В лингвистике для обозначения данного пласта лексики используется спектр терминов — грубопросторечная, непечатная, обценная, инвективная лексика, — что отражает ее стратифицированность по степени табуированности, оскорбительности и социокультурной приемлемости.

Выбор конкретной лексемы из этого спектра не случаен и свидетельствует об интенсивности конфликта, ценностных ориентациях и речевой культуре адресанта. Для языковой личности, регулярно прибегающей к инвективе, подобное поведение зачастую становится привычным способом психологической разрядки и агрессивного самоутверждения [Маракулина, 2016, с. 319].

Обсценная лексика (табуированная, ненормативная) представляет собой наиболее сильный по степени эмоционального воздействия пласт лексических средств, чье употребление в публичном пространстве традиционно регулируется строгими социальными запретами. В социальных сетях, однако, инвективная и обсценная лексика употребляется пользователями значительно свободнее, чем в очном общении, и зачастую выполняет функции, выходящие за рамки собственно оскорбления.

В конфликтогенном тексте инвективная лексика выполняет ряд функций:

- служит прямым инструментом оскорбления и унижения оппонента (*«Животное ты и тебе подобные, которые всё лезут со своим уставом в чужой монастырь, и до которых не доходит, что вас е*** это ни как не должно, кто как говорит. Но ты ущемленная, несчастная х*** по жизни, раз ты вообще на это внимание обращаешь, тупая скотина»* (X, 26.04.2026));

- выступает маркером групповой идентичности: использование обсценной лексики в рамках определенного сетевого сообщества может служить знаком раскованности, принадлежности к субкультуре, свободной от ограничений офлайн-этикета, и, следовательно, противопоставлять «своих» «чужим» не только по содержанию высказываний, но и по самому способу их языкового оформления (*«да не мы готовы в общем то д*** не готовы»* (X, 26.02.2026));

- обсценная лексика функционирует как средство интенсификации

эмоционального воздействия, усиливая эмоции и придавая высказыванию дополнительную иллокутивную силу;

- в условиях асинхронной коммуникации инвектива может использоваться как средство провокации, гарантированно вызывающее ответную агрессивную реакцию и запускающий механизм эскалации конфликта.

Особого упоминания заслуживает феномен «эрративной инвективы» — намеренно искаженного написания бранных слов с целью обхода автоматических фильтров модерации. Эрратив представляет собой специфическую черту российского интернет-дискурса, которая, как отмечают исследователи, характеризуется «употреблением русского языка с фонетически почти верным, но нарочно неправильным написанием слов, частым употреблением мата и определённых штампов, характерных для сленгов» [Горбачева, 2016, с. 1689]. Ключевая особенность эрратива состоит в том, что он функционирует как свернутый конфликтогенный текст: в одной лексической единице совмещаются номинация объекта и его саркастическая, уничижительная оценка. Такие единицы, как «зрада», «пыня», «либераст», «ватник» и подобные, не просто называют политического оппонента или явление, но и задают специфическую — издевательскую, снижающую — рамку их восприятия, формируя у читателя устойчивую негативную ассоциацию. Использование эрративов является маркером принадлежности к определенному сетевому сообществу («свои» понимают закодированный в эрративе смысл) и одновременно инструментом символического исключения «чужих» из поля серьезной, рациональной дискуссии («Когда ватник говорит про закон я хохочу (X, 28.05.2025), «смешно, что типы думают, что если поддерживаешь арест этой дуры, ты ватник и русня» (X, 28.03.2026), «сказал никому не интересный либераст из Германии. Что тебе понятно, убогий?» (X, 25.12.2025), «Либераст рассуждает о вымогк, смешно девочки» (X, 25.12.2025)).

Если инвектива и обценная лексика представляют собой максимально эксплицитную форму речевой агрессии, то пейоративы образуют следующий, более широкий круг конфликтогенных лексических средств. Пейоративная лексика — это слова и словосочетания, выражающие отрицательную оценку, неодобрение, порицание, иронию или презрение, но, в отличие от ругательств, не содержащие табуированной, ненормативной лексики [Пискун, 2024, с. 92].

Принципиальное отличие пейоратива от инвективы состоит в том, что негативная оценка в нем заключена в самом лексическом значении слова или в его устойчивой коннотации, а не в факте нарушения коммуникативного табу. Это делает пейоративы особенно удобным инструментом агрессии в публичном пространстве: они позволяют нанести ущерб лицу оппонента, формально оставаясь в рамках «приличной» лексики («*Ну ты и лицемер, просто эталонный*» (X, 08.11.2025), «*Ну ты даже помнишь, что я тебя банил лицемер. Врёшь как всегда. С тобой скучно и неинтересно потому что ты лжец и врун. И демагог*» (07.06.2025), «*— Лучшие бы прочитал полезные статьи в инете, клоун блен*» (X, 27.11.2025), «*Да, цирк выставлять наивные вопросы на потеху публике, тебе бы к психологу, клоун*» (X, 30.05.2025), «*Нет, это ты тупо вонючий предатель русской цивилизации, вместе с ещё парой миллионов одурманенных, которые н*** никому не нужно ни на западе ни в сша, но верящих, что они за правду и добро борются, идиоты*» (X, 28.03.2026)).

В корпусе конфликтогенных текстов социальных сетей пейоративы выполняют прежде всего функцию навешивания ярлыка — такого обозначения лица или группы, которое одновременно помещает их в категорию «чужих» и лишает права на серьезное восприятие. Уже на ранних этапах формирования сетевого дискурса сложилась разветвленная система оценочной лексики, включающая пейоративы типа чайник, ламер, объединенные общим типологическим признаком «некомпетентность». В

современных социальных сетях эта система значительно расширилась и включает тематические группы пейоративов, связанные с политической позицией, социальным статусом, этнической принадлежностью, гендерной идентичностью, культурными предпочтениями и т.д. (*«Ну так если ты чурка без роду и племени это твои проблемы»* (X, 02.06.2025), *«Ну если ты нерусь и не понимаешь на славянском то там слева сверху номер и на оф сайте можно выбрать любой язык!»* (X, 26.02.2026), *«Тебе не понять! Ты – нерусь!»* (X, 21.02.2026), *«Как же з*** эти черномазые выродки. Всех выгнать вместе с ублюдками, которые их сюда завозят»* (X, 01.06.2025), *«Ты же фашист. Исламофоб. На этом себе и подписчиков и набрал. Твои подписчики русские/украинские нацики»* (X, 27.03.2025)).

Механизм действия пейоратива в конфликтогенном тексте основан на когнитивной редукции: ярлык сокращает сложность восприятия оппонента, позволяя не вдаваться в содержательную аргументацию, а просто дискредитировать его через отнесение к стигматизированной категории. Назвав собеседника «диванным экспертом», «пропагандистом» или «ватником», автор комментария избавляет себя от необходимости опровергать его доводы по существу — сам ярлык уже выполняет работу по символическому уничтожению оппонента.

Помимо собственно инвектив, к числу лексических маркеров конфликтности исследователи относят и другие группы лексических средств:

1. Зооактивы и зоосравнения (*«Ну ты и глухая к тому же. Извинилась быстро, овца. Потом решу в положении ли ты задавать вопросы»* (X, 25.03.2026), *«Это ли не повод удалить твиторы и впны? Чего ты тут осёл?»* (X, 27.03.2026), *«Выглядишь как корова, которую только что доили, и она в шоке от своей жизни.. Теперь блондашка справа: это что, кукла из секс-шопа? Губы накачаны, как у утки после ботокса, глаза –линзы дешёвые, чтобы казаться “голубоглазой красоткой”»* (X, 15.11.2025)). Их конфликтогенный потенциал заключается в

- метафорическом уподоблении человека животному и приписывание негативных, «низменных» качеств собеседнику [Маракулина, 2016, с. 319].
2. Междометия и релятивы с негативной коннотацией. Данные единицы служат для экспрессивного выражения эмоций говорящего (презрения, отвращения, раздражения) по отношению к словам или действиям адресата, выполняя эмотивно-оценочную функцию в конфликте («*фу боже*» (X, 01.06.2025), «*фу б***, какой мерзкий чел*» (X, 19.10.2025), «*Фу, какой бред ты несёшь!*» (X, 04.11.2025))
  3. Устойчивые высказывания и формулы с негативной семантикой. К ним относятся императивные фразы, выражения категоричного отказа, а также клишированные обвинения («*X***[ерунду] не носи тоже мне умник нашелся*» (X, 06.02.2025), «*да что ты говоришь капитан очевидность*» (X, 03.04.2026), «*ты вечно только и делаешь, что выводешь меня из себя. Тебе сказали нормально, так ответь не скандалом*» (X, 06.10.2025).
  4. Показатели субъективной модальности с общей семой «уверенность/очевидность». В контексте конфликтной коммуникации эти наречия приобретают ироничный или саркастический оттенок, используя для усиления категоричности утверждения, подчеркивания глупости или недалёковидности оппонента («*Ну ты же правда тупой и тебя очень смешно тыкать в твою тупость. Ну и да, я насчитал у тебя 5 ошибок за эту ветку. Ты ещё и безграмотный. Как говорится, не можешь сказать по факту, истери. Так что утри слёзы и жду ответа*» (X, 27.05.2025))
  5. Лексемы, прямо или косвенно указывающие на возраст собеседника. Так, наличие в дискурсивной модели негативной оценочной лексемы связанной с возрастом, выражающей отрицательную характеристику личностных качеств младшего или старшего по возрасту

коммуниканта, позволяет нам рассматривать ее в качестве маркера конфликтности (*«просто ты n*** или не встречай, когда старшие разговаривают»* (X, 10.02.2025), *«Таких к сожалению не мало. Молчи n*** когда старшие разговаривают»* (X, 10.08.2025), *«У меня тут с утра алматинская малолетка порвалась с шуточного твита про сделанную женскую грудь, а вы тут про поступок, который за пять минут разрушил отношения спрашиваете»* (X, 09.04.2025)) [Ушаков, 2010, с. 171].

Следующий пласт лексических средств, сформировавшийся именно в цифровой коммуникативной среде, образует так называемый хейтерский сленг — совокупность лексических единиц, обслуживающих потребности выражения вражды, ненависти и агрессии в интернет-пространстве. Центральной фигурой этого дискурса является хейтер — пользователь, который, по определению, «ощущает сильную необоснованную ненависть, зависть и неприязнь» и выражает ее в форме агрессивных, оскорбительных комментариев

Ключевыми признаками хейта выступают «необоснованность и агрессивность критики» Важно, что хейтерство — это не обязательно прямая инвектива: хейтер может действовать через сарказм, обесценивание, провокацию, и его целью является не содержательный спор, а нанесение эмоционального ущерба объекту атаки.

Лексический состав хейтерского сленга пополняется из нескольких источников. Во-первых, это заимствования из английского языка, адаптируемые русскоязычным сегментом интернета: собственно хейтер (от англ. *hater* — ненавистник), хейт (от англ. *hate* — ненависть), токсик (от англ. *toxic* — ядовитый; используется для обозначения пользователя или контента, отравляющего коммуникацию), агриться (от англ. *angry* — злой, разгневанный; означает проявлять агрессию, злобу по отношению к любым темам или персонам), кринж (от англ. *cringe* — чувство отвращения,

раздражения от увиденного или услышанного). Во-вторых, хейтерский сленг активно пополняется за счет семантической деривации — приобретения нейтральными словами агрессивных, негативно-оценочных значений в сетевом контексте («чел ты мега токсик. нормально же было, зачем начал?» (X, 06.12.2025), «e*** ты токсик, иди в другое место негатив свой вываливать» (X, 06.03.2025), «БОЖЕ КАКОЙ ЖЕ ТЫ НЕПРОРАБОТАННЫЙ И КРИНЖОВЫЙ!» (X, 19.02.2025), «Какой же ты кринжовый тубик, надеюсь, на всю жизнь останешься один» (X, 12.10.2025)).

Помимо вышеперечисленных средств, конфликтный коммуникативный акт может инициироваться и эскалаторироваться за счет использования лексических средств, которые в нейтральном контексте лишены агрессивной нагрузки. Их конфликтогенный потенциал актуализируется в конкретной прагматической ситуации.

Ярким примером таких средств выступают специальные номинации участников коммуникации, основанные на выделении случайной, чаще всего внешней, приметы человека (например, «мужчина в очках», «женщина с собакой»). Данное явление, характерное для разговорной речи, нарушает фундаментальный принцип вежливости, предполагающий обращение по имени или с использованием общепринятых этикетных формул [Маракулина, 2016, с. 320].

Конфликтогенная функция таких номинаций заключается в следующем:

1. Деперсонализация адресата. Обращение по внешнему признаку игнорирует личность человека, низводя его до объекта, лишённого индивидуальности. Это воспринимается как проявление неуважения.
2. Нарушение коммуникативных ожиданий. Адресат ожидает вежливого обращения или нейтрального вопроса. Использование безличной номинации создает коммуникативную дистанцию и провоцирует негативную эмоциональную реакцию.

3. Создание имплицитного упрека.

К средствам имплицитной агрессии относятся также эвфемизмы агрессии – лексические замены, маскирующие враждебное содержание под нейтральную или даже доброжелательную форму. Например, фраза «у вас интересная логика» в контексте конфликтного обсуждения может нести заряд сарказма, эквивалентный по иллокутивной силе прямому оскорблению интеллектуальных способностей оппонента.

Таким образом, лексический уровень языка предоставляет широкий арсенал средств для вербализации конфликта, ядро которого составляет инвективная и негативно-оценочная лексика. Ее использование не только сигнализирует о наличии противоречия, но и активно формирует сам конфликтный дискурс, выполняя ряд деструктивных прагматических функций, направленных на принижение личности адресата.

2.2. Грамматические средства выражения конфликта

Если лексический уровень конфликтного текста представляет собой наиболее очевидный и эксплицитный пласт выражения агрессии, то грамматический и словообразовательный уровни образуют «скрытый каркас» конфликтности. Морфологические категории, выбор грамматических форм и словообразовательные модели способны придавать высказыванию дополнительную агрессивную окраску, которая не всегда эксплицирована на лексическом уровне, но безошибочно считывается носителями языка в ситуации конфликтного взаимодействия. Под влиянием гибридной устно-письменной природы интернет-коммуникации в социальных сетях активизируются те грамматические средства, которые в кодифицированном литературном языке либо стилистически маркированы как сниженные, либо находятся на периферии нормативного употребления. Рассмотрение этих средств в системной связи с лексическими и синтаксическими маркерами конфликта позволяет составить более полное представление о механизмах

интенсификации речевой агрессии в цифровой среде.

Одним из наиболее сильных грамматических средств выражения вербальной агрессии является императив — форма повелительного наклонения глагола, реализующая прямое побуждение адресата к действию. Исследования конфликтного интернет-дискурса однозначно свидетельствуют, что обценная лексика и императив являются самыми агрессивными из всех средств выражения речевой агрессии. Это объясняется самой природой императива: в отличие от констатирующих высказываний, императив осуществляет прямое речевое давление, вторгаясь в личную сферу собеседника, ограничивая его свободу выбора и навязывая ему чужую волю. В конфликтогенных текстах социальных сетей императивные формы широко представлены как в жестких, прямых вариантах (*«просто включи мозги и выключи своих тупых советников... как с пианерами в ясельной группе общаюсь»* (X, 10.02.2026), *«если ты тупая, то заткнись и молчи. Зачем мне это знать? Дети видят это и тоже становятся такими тупыми. Зачем быть тупой? Не понимаю зачем это выпячивать?»* (X, 18.09.2025)), так и в более смягченных, но не менее агрессивных формах долженствования, использующих модальные предикативы (*«Для начала надо бы мозги включить, если они есть»* (X, 21.05.2025), *«Выберу мир во всём мире, а тебе советую задуматься о душе поменьше светить своим уже не молодым телом»* (X, 26.09.2025), *«Тебе следует задуматься о своих действиях, даже если такой дурак как я видит последствия – а ты нет»* (X, 09.04.2025)).

К императивным средствам примыкают конструкции с модальными предикативами, выражающими категорическое долженствование: «должен», «обязан», «не вправе», «не смеет» (*«Твоя мать тоже отвратительна? По твоей же логике? Закрой рот. Ты не вправе вообще что-либо писать про женщин и лучше тебе не высываться»* (X, 18.04.2025)). В конфликтогенном тексте такие конструкции функционируют как грамматический механизм навязывания оппоненту определенной модели

поведения, лишения его на самостоятельное решение.

Личные местоимения играют исключительно важную роль в разжигании и эскалации конфликта. Личные местоимения являются «средством индивидуализации», «наиболее разноплановой за семантикой, грамматическими признаками и синтаксическими функциями частью языка». В конфликтогенном тексте социальных сетей эта многофункциональность местоимений получает специфическое преломление: дейктические единицы перестают быть нейтральными указателями на участников речевой ситуации и превращаются в активные инструменты речевой агрессии.

Центральное место в системе местоименной агрессии занимает противопоставление «мы» / «они», которое служит грамматическим механизмом конструирования и поддержания базовой для конфликтного дискурса оппозиции «свой — чужой» (*«кто “мы”? невоспитанное хамло в интернете повылазило из всех щелей и теперь пытается в своё мнение поиграть. мы все считаем, что ты отстой»* (X, 26.05.2025), *«Мы с талибами всякую х*** не подписывали в отличие от вас»* (X, 15.04.2025), *«мужчины забывают, что в отличие от них, женщины способны построить близкие отношения с кем-то кроме партнёра: родственники, подруги, сообщество, в которое женщины каждый день вкладывают. Мы живём в головах тысяч людей, кому мы передаём наше всё. А вы стиваетесь в одиночестве»* (X, 27.05.2025)). Местоимение «мы» в конфликтогенных текстах выполняет функцию групповой мобилизации: оно объединяет автора высказывания с его реальными или воображаемыми единомышленниками, создавая эффект численного и морального превосходства над оппонентом («мы считаем», «нам очевидно», «мы не допустим»).

Местоимение «они», в свою очередь, служит средством стигматизации и дистанцирования: помещая оппонента в категорию «они», автор лишает его индивидуальных черт, превращает в обезличенного представителя враждебной группы, что облегчает применение к нему агрессивных речевых

действий (*«Если черномазые не хотят соблюдать правила страны в которой живут они должны уехать домой!»* (X, 05.01.2025)).

Особый конфликтогенный потенциал заключен в использовании местоимений второго лица. В русском языке личные местоимения второго лица единственного числа представлены формами «ты» и «Вы», которые различаются значением и спецификой функционирования. Традиционно «ты» является маркером интимности и равенства, «Вы» — дистантности и неравенства. В интернет-коммуникации, однако, эта система подвергается существенной трансформации. Исследователи отмечают, что обращение на «ты» на интернет-форумах создает предрасположение к непосредственности и открытости, устанавливает более дружеский тон беседы, тогда как обращение на «Вы» в сетевом контексте может использоваться для выражения презрительного и пренебрежительного отношения к собеседнику. Этот эффект объясняется общей тенденцией интернет-коммуникации к уравниванию всех пользователей: в среде, где социальные и возрастные различия нивелированы, использование «Вы» становится не знаком вежливости, а знаком нарочитого дистанцирования, которое в конфликтном контексте прочитывается как акт символического исключения (*«Вы можете быть очень умны, но написали полную глупость. Вы можете быть супер профессионалом в своём деле, но полным профаном в остальном. Нет, я не считаю, что вы идиот, но вы пишете идиотские вещи»* (X, 02.06.2025)).

Крайней формой местоименной агрессии выступает демонстративный отказ от прямого обращения к присутствующему оппоненту через использование форм третьего лица. Высказывания типа «этот человек считает...», «некоторые тут думают...», «кое-кому не мешало бы...» формально выводят оппонента из числа участников диалога, превращая его из субъекта коммуникации в объект обсуждения. Этот прием обладает мощным конфликтогенным потенциалом, поскольку понижает коммуникативный статус оппонента, лишая его права голоса в разговоре, в

котором он фактически участвует (*«Форточку откройте кто-нибудь, а то кое-кто считает, что тон на лице это неестественно»* (X, 06.11.2025), *«Как же надоело читать такое. Почему кого-то волнует кто что твиттит на своих аккаунтах . Какая же это мерзость, причём эта мерзость считает себя королем вселенной. Кое-то пополнил моё ЧС»* (X, 24.09.2025)). В этом же ряду находится и использование указательных местоимений с уничижительной коннотацией («эти ваши доказательства», «там у себя разберитесь»), где дейксис работает на подчеркивание чуждости позиции оппонента, ее нерелевантности «здесь и сейчас» — в пространстве нормальной, рациональной коммуникации (*«У себя разберитесь сначала. Воин»* (X, 24.05.2025), *«Ну не ты же должен разбраться, ватник. У себя разберитесь , потом своё рыло в дела других суйте»* (X, 24.05.2025)).

Словообразовательный уровень языка предоставляет пользователям социальных сетей богатый арсенал средств для порождения конфликтогенных лексических единиц непосредственно в процессе коммуникации. Словообразовательные модели с негативно-оценочной семантикой позволяют превратить практически любое нейтральное слово в пейоратив, создавая лексемы, чья конфликтогенная сила обусловлена не столько семантикой производящей основы, сколько самим фактом использования определенного аффикса.

Анализ материала показывает, что в русскоязычных конфликтогенных текстах социальных сетей наиболее регулярно используются несколько словообразовательных моделей. Суффиксы субъективной оценки, прежде всего уменьшительно-уничижительные, занимают среди них центральное место. Слова типа «экспертишка», «аргументик», «статеечка» образуются от нейтральных основ путем присоединения диминутивных суффиксов, которые в конфликтном контексте меняют свою семантику на противоположную: не уменьшительность и ласкательность, а уничижение и пренебрежение (*«Экспертишка завязывай с пустословием»* (X, 14.10.2025)),

«Умилительный вы по своей несостоятельности аргументик привели» (X, 27.06.2025)). Этот механизм основан на когнитивной метафоре «маленький, незначительный, не заслуживающий серьезного отношения».

Другую продуктивную группу образуют суффиксальные модели с прямым негативно-оценочным значением: суффиксы со значением неполноценности, дефектности, искажения. К ним примыкают префиксальные и префиксоидальные модели с семантикой ложности и имитации: «псевдо-», «квази-», «лже-», «недо-», «полу-». В конфликтных текстах они регулярно используются для образования слов, дискредитирующих статус или деятельность оппонента: «псевдоэксперт», «недоисторик», «полупрофессионал». Словообразовательный формант здесь выполняет функцию свернутого оценочного суждения, позволяющего автору избежать развернутой аргументации: сама внутренняя форма слова уже содержит негативную оценку, которая подается как объективная характеристика оппонента (*«Тебе пора в школу, наташка – недоучка!» (X, 03.04.2026), «Что вообще курил этот «недоисторик»? Это же настолько тупая и убогая пропаганда, что даже неудобно становится за тупость спикера» (X, 02.03.2026), «Да какой он историк? Студент-недоучка, которого выгнали из ВУЗа за тупость и ленность!» (X, 29.04.2026), «Так он же идиот. У него не речь, а словесный понос. К тому же он невежественная, дремучая недоучка для которого Грузия, это штат сша...» (X, 17.06.2025).*

Особого внимания заслуживает окказиональное словосложение словотворчество, характерное именно для интернет-коммуникации и порождающее сложные слова-ярлыки с высокой степенью семантической компрессии. Единицы типа «диванный эксперт», «политолог-самоучка» образуются путем объединения двух основ, одна из которых несет основную номинативную нагрузку, а вторая – уничижительную характеристику (*«Соевый познаёт мир. Ты в Сибири был хоть раз, диванный эксперт?» (X,*

08.04.2025), *«Альтернативное мнение может быть у того, кто разбирается в теме реально. А вы со своими клоунскими тирадами можете валить на х***. Диванный эксперт»* (X, 22.02.2026). Такие слова функционируют как целостные конфликтогенные знаки, сочетающие номинацию лица с его дискредитацией в одной лексической единице.

Помимо рассмотренных выше регулярных грамматических и словообразовательных моделей, в конфликтогенных текстах социальных сетей активно используются грамматические средства, чья основная функция состоит в интенсификации эмоционального воздействия на адресата. К числу таких средств относятся междометия и звукоподражания, которые в конфликтном контексте приобретают отчетливую агрессивную окраску. Единицы типа «фу», «буээ», «гыгы», «фейспалм» не обладают самостоятельным лексическим значением, но передают эмоциональное состояние презрения, отвращения, насмешки, нанося ущерб лицу оппонента через демонстрацию его ничтожности, не заслуживающей даже вербальной реакции (*«Фу. Как же это мерзко»* (X, 04.04.2025), *«Фу, жируха»* (X, 29.05.2025), *«Отберите телефон у неё, плиз, меня убивают ее твиты, каждый раз фейспалм, настолько примитивная»* (24.03.2026).

Усилительные частицы («просто», «прямо», «вообще», «реально», «конкретно») в конфликтогенном тексте выполняют функцию нагнетания агрессивной тональности. Их использование перед пейоративом или инвективой повышает иллокутивную силу высказывания, придавая ему характер категорического, не подлежащего обсуждению суждения (*«Ты либо реально идиот, либо просто прикидываешься»* (X, 03.06.2025)? *«Я устал от твоей ерунды. Ты вообще можешь вести грёбанный разговор? Какой тупой неграмотный американский мальчик!»* (X, 04.06.2025).

Грамматические маркеры пренебрежения включают также случаи намеренного нарушения морфолого-синтаксического согласования. Использование форм среднего рода применительно к людям («это существо»,

«это», «оно»), намеренное рассогласование по числу или роду, использование единственного числа вместо множественного при обращении к группе — все эти приемы служат средством деперсонализации и дегуманизации оппонента, лишения его статуса полноценного субъекта коммуникации и, в конечном счете, символического уничтожения (*«И это существо что то говорит про женскую внешность»* (X, 31.12.2025), *«очередное доказательство что не всегда если человек пишет на украинском означает что оно человек»* (X, 01.01.2026).

Проведенный анализ показывает, что грамматические и словообразовательные средства образуют важнейший уровень системы выражения речевой агрессии в конфликтогенных текстах социальных сетей. В отличие от лексических маркеров, грамматические формы создают «грамматический каркас» конфликтного высказывания, они не заменяют лексические средства агрессии, а взаимодействуют с ними. Это взаимодействие уровней обеспечивает высокую интенсивность конфликтогенного текста в цифровой среде, где ограниченный объем комментария требует максимальной концентрации агрессивного содержания.

2.3. Синтаксический и пунктуационно-графические уровни организации конфликтогенного текста

Завершающим этапом поуровневого анализа является обращение к синтаксическому и пунктуационно-графическому уровням организации конфликтогенного текста, которые не просто оформляют лексическую и грамматическую агрессию, но и сами по себе выступают самостоятельными и надежными индикаторами стадии и интенсивности конфликтного взаимодействия.

Синтаксический уровень занимает особое место в системе средств выражения речевой агрессии. Если лексические маркеры непосредственно называют объект агрессии и выражают негативную оценку, а грамматические

формы придают этой оценке дополнительную иллокутивную силу, то синтаксические конструкции определяют сам способ предъявления агрессивного содержания адресату. Одно и то же лексическое наполнение, будучи организованным в виде полного, грамматически развернутого предложения в зависимости от синтаксического воплощения может производить различный прагматический эффект. Более того, синтаксическая организация текста реагирует на изменение эмоционального состояния участников конфликта, и трансформация синтаксических структур может служить объективным диагностическим признаком перехода конфликта от латентной фазы к открытой эскалации и от эскалации к пику.

Пунктуационно-графический уровень, в свою очередь, в социальных сетях перестает быть исключительно вспомогательным средством членения письменного текста и превращается в полноценный канал передачи прагматических значений, в том числе агрессивных интенций. В интернет-коммуникации графические приемы приобретают функции, далеко выходящие за пределы нормативного оформления текста. Они становятся самостоятельными носителями эмоциональных смыслов, маркерами агрессивной интенции и индикаторами стадии конфликта.

Синтаксический уровень организации конфликтогенного текста характеризуется высокой степенью экспрессивности, которая достигается, в первую очередь, через сознательное нарушение нормативной структуры предложения. Среди экспрессивных синтаксических конструкций, регулярно фиксируемых в текстах социальных сетей в моменты эскалации конфликта, центральное место занимают парцелляция и эллипсис, чья конфликтогенная функция не сводится к простому структурному упрощению, а состоит в имитации специфических параметров устной агрессивной коммуникации и в создании эффекта непосредственного речевого давления на адресата.

Под парцелляцией в современной лингвистике понимается фигура экспрессивного синтаксиса, представляющая собой намеренное расчленение

единой синтаксической структуры на несколько интонационно и пунктуационно самостоятельных отрезков (парцеллятов), каждый из которых оформляется как отдельное предложение [Садыкова, 2019, с. 137]. В отличие от присоединения, где добавочная информация вводится после завершающего знака препинания как дополнительное сообщение, парцелляция предполагает разрыв структурно и семантически целостного высказывания, в результате чего базовый компонент и парцеллят оказываются связанными отношениями синтаксической и смысловой взаимозависимости. Парцелляция относится к числу элементов экспрессивного синтаксиса, наиболее активно используемых в составе императивных интернет-комментариев, то есть в тех жанровых формах, которые обладают наивысшим конфликтогенным потенциалом.

В конфликтогенных текстах социальных сетей парцелляция реализует три взаимосвязанные функции. Во-первых, она выступает как средство создания эффекта «словесных ударов». Каждый парцеллят действует как отдельный коммуникативный выпад, имитируя серию последовательных, накладывающихся друг на друга агрессивных речевых актов, не оставляющих оппоненту времени на рациональную защиту. Высказывание типа «Твои аргументы — полный бред. Неубедительный. Детский. Смешной» структурно воспроизводит модель эскалации: каждый последующий парцеллят не просто повторяет негативную оценку, но и интенсифицирует ее, переводя конфликт на новый уровень экспрессивности.

Во-вторых, парцелляция служит средством имитации сбивчивой, эмоционально перенасыщенной речи, характерной для устной перепалки в момент наивысшего напряжения. Пунктуационное разграничение интонационно самостоятельных отрезков создает эффект спонтанного, слабо контролируемого высказывания, в котором аффективное начало доминирует над рациональным. Это сближает письменный интернет-текст с устной конфликтной коммуникацией и, как следствие, усиливает его эмоциональное

воздействие, поскольку реципиент неосознанно воспринимает такой текст как более аутентичное и интенсивное выражение агрессивной интенции.

В-третьих, парцелляция выполняет функцию смыслового акцентирования: вынесение ключевого агрессивного компонента в отдельную синтаксическую позицию фокусирует на нем внимание адресата, повышая его иллокутивную силу и оставляя его в сильной, финальной позиции высказывания.

Эллиптические конструкции представляют собой второй важнейший тип экспрессивных синтаксических структур, функционирующих в конфликтогенных текстах социальных сетей. Под эллипсисом в данном контексте понимается пропуск структурно необходимого, но семантически восстанавливаемого из контекста элемента высказывания [Филиппова, 2020, с. 1050]. В отличие от неполных предложений, чья неполнота обусловлена объективными условиями коммуникации, эллипсис в конфликтогенном тексте является намеренным, стилистически мотивированным приемом, направленным на создание определенного прагматического эффекта.

В конфликтогенных текстах социальных сетей эллиптические конструкции реализуют несколько специфических функций. Односоставные назывные предложения, лишённые глагольного компонента, функционируют как средство «коммуникативного отрезания» оппонента. Конструкции типа *«Понятно. Слив засчитан. Свободен»* (X, 07.08.2025) представляют собой серию завершённых — в прагматическом, хотя и не в структурном отношении — коммуникативных актов, каждый из которых не предполагает продолжения диалога и сигнализирует оппоненту об отказе от дальнейшего взаимодействия на равных. Такие конструкции имитируют финальные реплики устного спора и тем самым символически исключают адресата из коммуникативного пространства.

Эллипсис глагольных форм, в свою очередь, служит средством деперсонализации и обесценивания: действия оппонента подаются как не

заслуживающие полноценного предикативного оформления, что понижает их коммуникативный статус. Усеченные конструкции с опущением подлежащего или сказуемого создают эффект резкого, обрывистого высказывания, передающего крайнюю степень пренебрежения: сама синтаксическая редуцированность сообщения сигнализирует о том, что автор не считает оппонента достойным развернутой, грамматически оформленной речи.

Парцелляция и эллипсис реализуют конфликтогенный потенциал преимущественно через структурную деформацию предложения. Однако экспрессивный синтаксис конфликтогенного текста социальных сетей включает и конструкции, чья функция обусловлена особым типом соотношения между формой высказывания и его коммуникативной интенцией. К числу таких конструкций относятся риторический вопрос и восклицание, которые в конфликтном интернет-дискурсе выступают как инструменты вербального давления, маскирующие агрессивную интенцию под вопросительную или эмоционально-экспрессивную форму.

Риторический вопрос представляет собой синтаксическую фигуру, сочетающую вопросительную форму с утвердительной иллокутивной силой (37). Ключевая особенность риторических вопросов, отличающая их от обычных, состоит в том, что ответ на них не просто очевиден для обоих коммуникантов, но и навязывается адресату говорящим.

В конфликтном контексте РВ позволяет говорящему занять позицию превосходства по отношению к мишени агрессии, поскольку сама форма вопроса предполагает, что говорящий заранее знает «правильный» ответ, недоступный или неочевидный для адресата.

Основываясь на модели коммуникативных стилей и классификации РВ по прагматическому критерию, в конфликтных текстах социальных сетей можно выделить три типа риторических вопросов, различающихся по характеру выражаемой агрессивной интенции.

Вопрос-обвинение представляет собой РВ, в котором форма вопроса используется для предъявления обвинения, подаваемого как самоочевидное и не требующее доказательств. РВ-обвинение имитирует диалог, в котором адресат как бы сам должен прийти к признанию собственной неправоты, что усиливает перлокутивный эффект высказывания. Вопросы типа «Ты хоть понял, что написал?», «У тебя совесть есть вообще?», «Ты сам-то веришь в то, что говоришь?» формально являются запросами информации, но реально функционируют как обвинительные речевые акты, причем вопросительная форма придает им дополнительную силу: невозможность или нежелание адресата ответить на такой вопрос трактуется аудиторией как молчаливое признание вины.

Вопрос-издевка характеризуется тем, что ответ на него очевиден до такой степени, что сама постановка вопроса служит средством унижения интеллектуальных способностей оппонента. Данный тип РВ тесно связан с тактикой сарказма. Функция таких РВ состоит в выражении насмешки и дискредитации собеседника. В конфликтном интернет-тексте вопросы-издевки типа *«Зачем ты мне теорию скинул, пупуня? Мне тебе объяснить как математика в астрофизике работают и для чего вычисления применяют?»* (X, 30.04.2025), *«Что ты несёшь? Ты читать умеешь?»* (X, 22.11.2025) выполняют двойную функцию: эксплицитно они ставят под сомнение когнитивные способности оппонента, а имплицитно — сигнализируют аудитории о полном интеллектуальном превосходстве говорящего, которому приходится «опускаться» до примитивных объяснений.

Вопрос-ультиматум представляет собой РВ, жестко ограничивающий поле возможных реакций оппонента и ставящий его перед необходимостью либо признать поражение, либо пойти на дальнейшую эскалацию. Вопросы типа *«По теме есть что сказать, или дальше будешь позориться тупостью и невежеством?»* (X, 16.05.2025), *«Так и будешь нести чушь?»* (X,

14.02.2026) не предполагают ответа по существу: любой вербальный ответ со стороны оппонента будет использован как повод для нового витка агрессии, а молчание — как признание поражения.

Если риторический вопрос реализует агрессивную интенцию через завуалированную, формально-вопросительную форму, то восклицательные конструкции делают эмоциональную составляющую высказывания максимально эксплицитной. Восклицание, таким образом, — это грамматический инструмент утверждения коммуникативного доминирования. Восклицая, автор не просто выражает эмоцию, но и требует от адресата признания этой эмоции, навязывает ее («Ну что ты за debil такой с распухшим комплексом неполноценности!» (X, 03.06.2025), «Что за время, какой-то п***!» (31.12.2025)).

Особого внимания заслуживает комбинация вопросительного и восклицательного знаков, образующая графический комплекс «?!» (и его расширенные варианты — «?!?!», «?!?!?!»). Данный пунктуационный гибрид передает двойную интенцию — обвинение и эмоциональное потрясение одновременно, — а его использование в конфликтном тексте маркирует переход к стадии, на которой рациональная аргументация окончательно уступает место аффективному выплеску.

Довольно часто в конфликтогенных текстах встречаются диалогизация и псевдо-диалогизация. Суть данных приемов состоит в том, что в монологическое по своей природе высказывание (пост, комментарий) вводятся элементы диалогической структуры: чужая речь, вопросно-ответные единства, обращение к воображаемому собеседнику [Шульгинов, 2025, с. 330]. Однако это введение осуществляется таким образом, что «голос» оппонента изначально помещается в подчиненную, деформированную позицию, лишаящую его субъектности и превращающую в объект дискредитации.

Диалогизация как синтаксический прием представляет собой введение

в монологический текст элементов диалогической структуры: вопросно-ответных единств, конструкций с прямой и косвенной речью, обращений к реальному или воображаемому собеседнику. В конфликтогенном тексте социальных сетей диалогизация участники общения вынуждены выстраивать тексты, позволяющие читателям понять, какое сообщение на какое отвечает, и одновременно создавать у аудитории ощущение непосредственного, живого спора.

В конфликтогенных текстах диалогизация часто перерастает в псевдо-диалогизацию — специфический прием, при котором автор сам формулирует вопрос или реплику от лица оппонента и сам же на нее отвечает. В отличие от обычной диалогизации псевдо-диалогизация изначально предполагает искажение позиции оппонента, поскольку право голоса передается ему лишь для того, чтобы этот голос был немедленно опровергнут или высмеян. Псевдо-диалогизация представляет собой одну из наиболее агрессивных форм такой интертекстуальности: оппонент лишается права на самостоятельное высказывание, его позиция конструируется за него — и конструируется в намеренно ослабленном, карикатурном виде. Типичная синтаксическая модель псевдо-диалогизации выглядит следующим образом: «Мне сейчас скажут, что... [моделируемая реплика оппонента]. Но... [эффектное опровержение]» («Сейчас мне скажут, что я лужик, но да по отношению к мужикам») (X, 06.09.2025). Данная модель позволяет автору одновременно решить три прагматические задачи. Во-первых, предвосхитить возможные возражения и обесценить их заранее, до того, как оппонент получит возможность их сформулировать. Во-вторых, присвоить себе право голоса от имени оппонента, лишив последнего субъектности. В-третьих, создать у аудитории впечатление собственного интеллектуального превосходства, продемонстрировав, что любой аргумент оппонента легко опровергается.

Конфликтогенный потенциал псевдо-диалогизации усиливается за счет

того, что она регулярно совмещается с саркастической модальностью. Моделируемая реплика оппонента часто формулируется в нарочито сниженном, примитивном стиле либо с использованием гиперболизированной версии его реальной манеры речи, что создает пародийный эффект.

Особой разновидностью диалогизации в конфликтогенном тексте является пословное или пофразовое цитирование оппонента с саркастическим комментарием к каждому процитированному фрагменту. Этот прием реализуется через синтаксическую модель «Вы пишете: "[цитата 1]" — [саркастический комментарий 1]. Далее: "[цитата 2]" — [саркастический комментарий 2]». В отличие от целостного цитирования с последующим опровержением, данная модель разрушает связность исходного высказывания оппонента и позволяет атаковать каждый его фрагмент по отдельности, часто игнорируя логические связи между ними.

Эффективность данного приема с точки зрения эскалации конфликта обусловлена несколькими факторами. Во-первых, он создает эффект «объективного анализа»: автор представляет свои саркастические комментарии не как субъективную оценку, а как разоблачение несостоятельности каждого элемента позиции оппонента. Во-вторых, расчленение целостного высказывания на фрагменты лишает его внутренней логики, поскольку связи между фрагментами при такой подаче зачастую отсутствуют.

Пунктуационно-графические средства представляют собой визуальный канал трансляции агрессивных интенций. В социальных сетях пунктуация и графика перестают быть исключительно вспомогательными инструментами членения письменного текста и превращаются в полноценные средства, несущие в себе конфликтогенную функцию, реализуемую через визуальное воздействие на адресата. Графические и пунктуационные средства в случае интернет-коммуникации принимают на себя функцию передачи

эмоциональных смыслов, в том числе агрессивных.

Наиболее частотным графическим средством выражения агрессии в цифровой коммуникации является использование заглавных букв — капслок (caps lock). В сознании пользователей закрепились устойчивая интерпретация текста, набранного заглавными буквами, как аналога крика, повышения голоса.

Существенно, однако, что данная интерпретация не является универсальной и бесспорной. Восприятие такого текста как агрессивного часто обусловлено отсутствием в письменной речи вокального тона, выражений лица и других невербальных сигналов, сопровождающих устное общение. Капслок может символизировать не только гнев, но и желание подчеркнуть мысль, а его интерпретация во многом зависит от эмоционального отклика читателя, который является абсолютно субъективным. Принципиально важным для понимания динамики конфликта является то обстоятельство, что пользователи проявляют значительно большую сдержанность при прямом обращении к собеседнику, избегая заглавных букв и оскорблений, тогда как в общих пространствах комментариев эта сдержанность исчезает. Иными словами, использование капслока коррелирует не просто с агрессивной интенцией, но и со степенью дистанцированности от адресата, выступая маркером деперсонализированной, «обезличенной» агрессии.

Другим графическим средством выражения агрессии в конфликтогенных текстах социальных сетей выступает намеренный отказ от использования пробелов и пунктуационных знаков, создающий эффект так называемого «словесного потока». Данный прием представляет собой специфически форму графической агрессии, не имеющую прямых аналогов в традиционной письменной речи.

В конфликтогенных текстах социальных сетей слитное, лишённое пробелов и знаков препинания написание имитирует сбивчивую,

захлебывающуюся речь, передающую крайнюю степень эмоционального возбуждения пишущего. Отсутствие структурных пауз (пробелов, запятых, точек) создает эффект безостановочного, неконтролируемого речевого потока, что символически свидетельствует о полной утрате говорящим рационального контроля над коммуникацией.

Особого внимания заслуживает также пунктуационная избыточность — многократное дублирование восклицательных и вопросительных знаков, а также их комбинаций. Градация эмоционального напряжения через количество пунктуационных знаков представляет собой одну из наиболее наглядных систем графического кодирования агрессии в цифровой среде. Одиночный восклицательный знак маркирует нормативное выражение эмоции; три восклицательных знака и более сигнализируют о высокой степени эмоционального возбуждения; комбинации типа «?!?!?!» являются маркерами крайней степени деструктивного аффекта. Многоточие, в свою очередь, может выполнять функцию угрожающей паузы, создавая эффект многозначительного молчания, чреватого последующей агрессивной разрядкой. Важно подчеркнуть, что данные пунктуационные приемы амбивалентны: их интерпретация как агрессивных или нейтральных зависит от контекста, и в конфликтной ситуации они устойчиво прочитываются именно как маркеры враждебности.

На основании комплексного анализа, проведённого во второй главе диссертации, можно утверждать, что в исследованном материале не преобладает какой-либо один уровень речевых средств. Напротив, ключевой характеристикой материала является принципиальная разноуровневость и взаимодействие лексических, грамматических, синтаксических и пунктуационно-графических маркеров конфликта.

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ РАСПОЗНАВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЧЕВЫХ КОНФЛИКТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

3.1. Необходимость формирования конфликтологической компетенции у студентов

Проведенное в первой и второй главах настоящего исследования комплексное описание речевых средств выражения конфликта в конфликтогенных текстах социальных сетей имеет не только теоретическую, но и выраженную практическую значимость. Социальные сети сегодня являются доминирующей коммуникативной средой для значительной части населения, и прежде всего — для молодежи. Большинство подростков пользуются интернетом каждый день, а социальные сети и мессенджеры остаются для них основным источником информации и главной площадкой для общения. В этих условиях закономерно встает вопрос о том, насколько молодые пользователи оснащены инструментами для безопасного участия в цифровой коммуникации.

Проблема усугубляется спецификой самой цифровой среды. Как было показано в параграфе 1.2 настоящей диссертации, социальные сети обладают рядом особенностей (анонимность и дистанцированность, асинхронность, редуцированность невербального контекста, публичность и перформативность), которые в совокупности формируют «эффект онлайн-расторженности» и значительно понижают порог вступления в речевой конфликт. В результате конфликтогенный текст в социальных сетях, как было установлено в Главе 2, перестает быть экстраординарным явлением и превращается в рутинный, едва ли не нормативный модус коммуникации. Молодые пользователи, ежедневно погруженные в эту среду, воспринимают речевую агрессию как допустимый, а подчас и единственно эффективный способ отстаивания своей позиции.

Сказанное делает настоятельно необходимым включение в образовательный процесс — как школьный, так и вузовский — элементов

целенаправленного формирования у обучающихся того, что может быть обозначено как компетенция в сфере цифровой коммуникации.

Опираясь на общее понимание компетенции как интегративной совокупности знаний, умений и навыков, обеспечивающих успешную деятельность в определенной сфере, мы предлагаем определить конфликтологическую компетенцию пользователя социальных сетей как совокупность:

- **знаний** о природе речевого конфликта в цифровой среде, о факторах, повышающих конфликтогенный потенциал социальных сетей, о жанровой специфике конфликтных интернет-текстов и об уровне устройстве системы речевых средств выражения конфликта (лексические, грамматические, синтаксические, графические маркеры);
- **умений** распознавать конфликтогенные речевые средства в интернет-текстах на разных языковых уровнях, квалифицировать жанр конфликтного текста, определять стадию конфликта по синтаксическим и графическим признакам, отличать содержательную критику от речевой агрессии;
- **навыков** осознанного выбора стратегии речевого поведения в ситуации сетевого конфликта (игнорирование провокации, рациональный диалог, мета-коммуникация), а также навыков рефлексии собственной коммуникативной деятельности в цифровой среде.

Формирование данной компетенции органично вписывается в более широкий контекст задач, стоящих перед современным образованием. Исследователи в области цифровой дидактики подчеркивают, что ключевой задачей на современном этапе становится не просто обучение использованию цифровых инструментов, но формирование у обучающихся способности к критическому осмыслению цифровой среды, к «пониманию того, как информация распространяется, как знание создается и воспринимается» .

Применительно к речевой коммуникации это означает понимание того, как порождается, распространяется и воздействует на адресата конфликтогенный текст.

В высшей школе проблема формирования конфликтологической компетенции может решаться в рамках вариативной части образовательных программ — через факультативные занятия, спецкурсы или практикумы, интегрированные в такие дисциплины, как «Русский язык и культура речи», «Речевая коммуникация», «Основы лингвистической экспертизы текста», «Медиаграмотность» и др. Студенты гуманитарных направлений (филологи, журналисты, специалисты по медиакоммуникациям, педагоги) представляют собой приоритетную целевую аудиторию, поскольку их будущая профессиональная деятельность непосредственно связана с порождением, анализом и оценкой текстов, в том числе функционирующих в цифровой среде. Однако, учитывая универсальный характер проблемы, основы конфликтологической компетенции целесообразно формировать и у студентов негуманитарных специальностей, адаптируя содержание занятий к профилю подготовки.

3.2. Методические принципы разработки факультативного занятия «Речевой конфликт в социальных сетях: как распознать и что делать?»

Разработка факультативного мероприятия требует предварительного определения его концептуальных оснований: целевой аудитории и места в образовательном процессе, целей и задач, методических принципов, форм и методов работы, а также планируемых результатов. Данный параграф посвящен последовательному рассмотрению каждого из перечисленных аспектов применительно к проектируемому факультативному занятию «Речевой конфликт в социальных сетях: как распознать и что делать?».

Целевая аудитория и место занятия в образовательном процессе. Факультативное занятие ориентировано на студентов 1–2 курсов,

обучающихся по гуманитарным направлениям подготовки (филология, журналистика, медиакоммуникации, педагогическое образование). Выбор данной аудитории обусловлен несколькими соображениями. Во-первых, студенты младших курсов находятся в стадии активного формирования культуры академической и цифровой коммуникации, что делает их особенно восприимчивыми к содержанию, направленному на развитие коммуникативных компетенций.

Во-вторых, именно эта возрастная группа (17–20 лет), согласно данным исследований, является наиболее активным пользователем социальных сетей: как показано в аналитическом отчете по итогам исследования цифровой грамотности, инициированного Google и выполненного при участии Российской государственной детской библиотеки, 94% подростков и молодых людей используют интернет ежедневно, причем социальные сети и мессенджеры остаются для них главной площадкой общения и основным источником информации. В-третьих, гуманитарный профиль подготовки предполагает, что студенты уже обладают базовыми знаниями о языке и речи, что позволяет опереться на имеющуюся у них лингвистическую подготовку и не вводить элементарные понятия «с нуля».

Что касается места занятия в образовательном процессе, то оно может быть интегрировано в несколько дисциплинарных рамок. Наиболее органичными «точками входа» представляются: дисциплина «Русский язык и культура речи» (модуль, посвященный речевому этикету и нормам коммуникации), дисциплина «Речевая коммуникация» или «Основы теории коммуникации» (модуль о конфликтной коммуникации), курс «Медиаграмотность» (модуль о безопасности и этике поведения в цифровой среде), а также спецкурсы и факультативы лингвистической и коммуникативной направленности. Продолжительность занятия позволяет провести его как в рамках одного аудиторного занятия, так и в формате отдельного факультативного мероприятия.

Цели и задачи занятия. Целеполагание в современной дидактике принято выстраивать в логике триединства образовательного, развивающего и воспитательного компонентов. Применительно к разрабатываемому занятию это триединство реализуется следующим образом.

Образовательная цель состоит в том, чтобы сформировать у студентов систему знаний о феномене конфликтогенного текста в социальных сетях: дать определение данному понятию, представить уровневую организацию речевых средств выражения конфликта (лексический, грамматический, синтаксический, графический уровни), охарактеризовать жанровую специфику конфликтных интернет-текстов (пост-провокация и пост-разоблачение, агрессивный комментарий, тред-дискуссия), а также раскрыть влияние свойств цифровой коммуникативной среды на протекание речевого конфликта.

Развивающая цель заключается в том, чтобы на основе полученных знаний развить у студентов аналитические умения: выявлять в реальных интернет-текстах лексические, грамматические, синтаксические и графические маркеры речевой агрессии; квалифицировать жанр конфликтного текста; определять стадию конфликта по динамике синтаксических и графических характеристик; отличать содержательную критику от речевой агрессии.

Воспитательная цель направлена на формирование у студентов ответственного отношения к собственной речевой деятельности в цифровой среде, на выработку установки на осознанный выбор стратегии речевого поведения в ситуации конфликта и на развитие рефлексивной позиции по отношению к собственным высказываниям в социальных сетях.

Достижение поставленных целей обеспечивается решением следующих задач: актуализировать личный коммуникативный опыт студентов как пользователей социальных сетей; ввести и проиллюстрировать примерами основные теоретические понятия (конфликтогенный текст, маркеры речевой

агрессии, жанры конфликтных интернет-текстов, стадии конфликта); организовать групповую аналитическую работу студентов с реальными конфликтогенными текстами; провести тренинг по распознаванию провокативных тактик и выбору стратегий деэскалации; обеспечить рефлексивное осмысление полученных знаний и их проекцию на повседневную коммуникативную практику.

Методически занятие опирается на ряд принципов, обеспечивающих его результативность и соответствующих как общедидактическим требованиям, так и специфике формируемой компетенции.

Принцип связи теории с практикой. Данный принцип является основополагающим для всего занятия. Теоретические сведения, вводимые в ходе мини-лекции, не являются самоцелью: они немедленно применяются студентами в ходе аналитического практикума и тренинга. Такой подход согласуется с требованиями компетентностного подхода, при котором знание ценно не само по себе, а как ориентировочная основа для практического действия. В контексте формирования конфликтологической компетенции это означает, что студент должен не просто знать перечень маркеров речевой агрессии, но и уметь опознавать их в реальном тексте и выбирать адекватную стратегию реагирования.

Принцип опоры на личный опыт обучающихся. Исследователи в области медиаграмотности подчеркивают, что эффективное обучение цифровым компетенциям невозможно без учета того коммуникативного опыта, который обучающиеся уже имеют как пользователи социальных сетей. Игнорирование этого опыта приводит к тому, что учебный материал воспринимается как абстрактный и оторванный от реальности. В проектируемом занятии данный принцип реализуется через актуализацию субъективного опыта студентов на вводном этапе, через подбор для анализа таких примеров, которые являются узнаваемыми и типичными для актуальной сетевой коммуникации, а также через рефлексивный этап (часть

5), на котором студентам предлагается спроецировать полученные знания на собственную коммуникативную практику.

Принцип интерактивности. Пассивное восприятие информации, транслируемой преподавателем, признается в современной дидактике недостаточно эффективным для формирования сложных компетенций, включающих деятельностный и ценностный компоненты. Занятие строится с использованием интерактивных методов: фронтальная беседа и мозговой штурм на вводном этапе, групповая работа с кейсами на этапе аналитического практикума, тренинговые упражнения с элементами ролевого моделирования на этапе отработки стратегий деэскалации. Такая организация обеспечивает высокую степень вовлеченности каждого студента и создает условия для формирования не только когнитивного, но и деятельностного компонента компетенции.

Принцип рефлексивности. Формирование ответственного коммуникативного поведения невозможно без развития у обучающихся способности к рефлексии — осознанному анализу собственных речевых действий и их возможных последствий. В структуру занятия включен специальный рефлексивный этап, который не сводится к формальному подведению итогов, но предполагает осмысление студентами того, как полученные знания и умения могут быть использованы в их реальной цифровой коммуникации. Рефлексивные вопросы, предлагаемые преподавателем, нацелены на то, чтобы «замкнуть» теоретический материал на личный опыт каждого участника.

Методы и формы работы, используемые на занятии, определяются его целями и методическими принципами. Выделяются следующие ключевые методы:

Мини-лекция с мультимедийной презентацией используется на теоретическом этапе для компактного введения основных понятий. Презентация выполняет не только иллюстративную, но и структурирующую

функцию, позволяя студентам удерживать логику изложения и фиксировать ключевые термины.

Фронтальная беседа и мозговой штурм применяются на вводном этапе для актуализации личного опыта и постановки проблемы, а также на заключительном этапе для организации рефлексии.

Групповая работа с конфликтогенными текстами составляет ядро практикума. Данный метод обеспечивает перевод теоретических знаний в практическую направленность и формирует аналитические умения. Работа в малых группах способствует развитию навыков совместной работы и аргументации собственной позиции.

Упражнения направлены на формирование деятельностного компонента компетенции — навыков выбора и реализации стратегий деэскалации конфликта. Тренинговая форма позволяет смоделировать ситуацию, приближенную к реальной, и «проиграть» различные варианты речевого поведения в безопасной учебной среде.

Рефлексия обеспечивает осмысление полученного опыта и его интеграцию в индивидуальную коммуникативную практику.

Планируемые результаты. По итогам занятия студенты должны:

- **знать:** определение конфликтогенного текста; основные факторы, повышающие конфликтогенный потенциал социальных сетей (анонимность, асинхронность, дефицит невербального контекста, публичность); жанры конфликтных интернет-текстов (пост-провокация / пост-разоблачение, агрессивный комментарий, трэд-дискуссия) и их отличительные признаки; четырехуровневую организацию речевых средств выражения конфликта (лексический, грамматический, синтаксический, графический уровни) с примерами маркеров каждого уровня; стадии развития конфликта;
- **уметь:** находить в предложенном интернет-тексте лексические, грамматические, синтаксические и графические маркеры речевой

агрессии и квалифицировать их поуровнево; определять жанр конфликтного текста по его структурным и прагматическим характеристикам; определять стадию конфликта по синтаксическим и графическим признакам; отличать содержательную критику от речевой агрессии;

- **владеть:** базовыми стратегиями речевого поведения в ситуации сетевого конфликта (игнорирование провокации, рациональный диалог с использованием «Я-сообщений», мета-коммуникация); начальными навыками рефлексивного анализа собственных высказываний в социальных сетях с точки зрения их конфликтогенного потенциала.

Сформулированные в данном параграфе методические принципы и организационные основы задают концептуальную рамку, определяющую содержание и структуру конкретного сценария занятия, который будет представлен в следующем параграфе (3.3). Предложенная структура обеспечивает последовательное движение от теоретического знания через аналитическое умение к практическому навыку, что полностью соответствует логике компетентностного подхода и позволяет рассчитывать на достижение заявленных образовательных результатов.

3.3. Конспект факультативного занятия на тему «Речевой конфликт в социальных сетях: как распознать и что делать?»

Тема: «Речевой конфликт в социальных сетях: как распознать и что делать?»

Форма проведения: факультативное занятие-практикум.

Продолжительность: 2 академических часа (90 минут).

Целевая аудитория: студенты 1–2 курсов гуманитарных направлений подготовки.

Цели занятия:

Образовательная: сформировать у студентов систему знаний о конфликтогенном тексте, уровне устройстве речевых средств выражения конфликта и жанровой специфике конфликтных интернет-текстов.

Развивающая: развить умения выявлять маркеры речевой агрессии в реальных интернет-текстах и определять стадию конфликта.

Воспитательная: сформировать ответственное отношение к собственной речевой деятельности в цифровой среде и навыки осознанного выбора стратегий деэскалации конфликта.

Задачи:

- Актуализировать личный опыт студентов как пользователей социальных сетей.
- Ввести и проиллюстрировать примерами основные теоретические понятия.
- Организовать групповую аналитическую работу с реальными конфликтогенными текстами.
- Провести тренинг по выбору стратегий деэскалации конфликта.
- Обеспечить рефлексивное осмысление полученных знаний.

Оборудование: компьютер, проектор, экран/ интерактивная доска, раздаточные материалы.

Ход занятия

Этап	Деятельность преподавателя	Деятельность студентов
------	----------------------------	------------------------

<p>1. Организац онный</p>	<p>Приветствует студентов. Сообщает тему занятия.</p>	<p>Приветствуют преподавателя.</p>
<p>Целеполага ние</p>	<p>Задаёт вопрос: «Кто из вас за последнюю неделю становился свидетелем или участником конфликта в комментариях, чатах или постах?» Просит 1–2 студентов кратко описать ситуацию.</p> <p>Формулирует проблемный вопрос: «Как вы думаете, почему споры в интернете так быстро перерастают в агрессивные перепалки, хотя в обычной жизни мы ссоримся реже и мягче?» Фиксирует ответы на доске.</p> <p>Резюмирует высказывания и формулирует цель занятия:</p>	<p>Кратко описывают запомнившуюся конфликтную ситуацию.</p> <p>Высказывают предположения: анонимность, отсутствие невербального контекста, желание произвести впечатление на аудиторию и др.</p> <p>Слушают, задают уточняющие вопросы.</p>

	<p>«Сегодня разберемся в природе сетевых конфликтов с лингвистической точки зрения: узнаем, что такое конфликтогенный текст, из каких языковых средств он строится, как вовремя распознать конфликт и что делать, чтобы не стать его инициатором или жертвой».</p>	
<p>2. Мини-лекция с презентацией, эвристическая беседа.</p>	<p>Задаёт вопрос «Что такое конфликтогенный текст?».</p> <p>Дает определение: «Конфликтогенный текст — это текст, содержащий речевые средства, способные спровоцировать конфликт или усилить уже существующий».</p> <p>Демонстрирует слайд с двумя комментариями: нейтральным и конфликтогенным.</p> <p>Предлагает студентам определить, какой из них является конфликтогенным и почему.</p> <p>«Почему социальные сети особенно конфликтогенны?»</p>	<p>Отвечают на вопрос.</p> <p>Сравнивают два комментария, определяют конфликтогенный, объясняют свой выбор.</p> <p>Высказывают свои предположения.</p> <p>Записывают ключевые</p>

	<p>Излагает факторы среды: анонимность и дистанцированность, асинхронность, дефицит невербального контекста, публичность и перформативность. Каждый фактор иллюстрирует примером.</p> <p>«В каких жанрах существует конфликтный текст? Как вы можете охарактеризовать эти жанры?».</p> <p>Кратко характеризует пост-провокацию / пост-разоблачение, агрессивный комментарий. Демонстрирует схему «воронки конфликта»: пост-триггер → первый агрессивный комментарий → цепочка эскалации → пик (флейминг). Вводит понятие стадий конфликта.</p> <p>«Из каких языковых средства могут быть использованы в конфликтном тексте?».</p> <p>Представляет</p>	<p>факторы. Соотносят с высказанными ранее предположениями.</p> <p>Отвечают на вопрос исходя из собственного опыта, характеризуют популярные интернет-жанры конфликтной направленности.</p> <p>Предполагают, с помощью каких средств формируется конфликтное высказывание.</p>
--	---	--

	<p>четырёхуровневую модель на слайде с примерами: лексический уровень (инвективы, пейоративы, хейтерский сленг, эрративы); грамматический уровень (императивы, местоимения «мы — они», диминутивы-издевки); синтаксический уровень (парцелляция, риторические вопросы, псевдо-диалогизация); графический уровень (капслок, «словесный поток», «злополучное» написание). Подчеркивает, что средства часто используются в комбинации.</p>	<p>Записывают уровни и примеры. Задают уточняющие вопросы.</p>
<p>3. Практикум</p>	<p>Делит студентов на микро-группы. Раздает комплекты материалов: распечатки с конфликтогенными текстами и инструкции с алгоритмом анализа.</p> <p>Объясняет алгоритм анализа:</p> <p>Алгоритм анализа текста (в карточке-инструкции):</p>	<p>Слушают инструкцию, задают вопросы.</p> <p>Работают в группах: читают тексты, выявляют маркеры, заполняют карточки-инструкции, готовят краткое выступление.</p>

	<p>1. Жанр. К какому жанру относится текст: пост, комментарий, фрагмент трэ-дискуссии? По каким признакам вы это определили?</p> <p>2. Лексические маркеры. Найдите в тексте лексические маркеры конфликта. Выпишите их, распределив по группам: а) инвективы; б) пейоративы и слова-ярлыки; в) хейтерский сленг; г) эрративы.</p> <p>3. Грамматические маркеры. Найдите в тексте: а) императивы (прямые и смягченные); б) местоименные оппозиции «мы — они»; в) диминутивы-издевки; г) модальные конструкции долженствования.</p> <p>4. Синтаксические и графические маркеры. Найдите в тексте: а) парцелляцию; б) риторические вопросы (определите их тип); в) псевдо-диалогизацию; г) капслок; д) пунктуационную</p>	
--	---	--

	<p>избыточность; е) «словесный поток»; ж) «злополушутное» написание.</p> <p>5. Стадия конфликта. Попробуйте определить стадию конфликта (начальная / эскалация / пик / затухание). По каким признакам вы это определили?</p> <p>Предоставляет слово каждой группе (по 3 минуты на выступление). Комментирует,</p>	<p>Представляют результаты анализа. Слушают выступления других групп, задают вопросы.</p>
<p>Стратегии деэскалации конфликта (25 минут)</p>	<p>«Какие стратегии могут помочь прекратить конфликт и не развивать его?». Выслушивает предложения студентов.</p> <p>Предлагает свои способы.</p> <p>Кратко вводит понятия речевой стратегии и речевой тактики. Представляет на слайде три стратегии: 1) игнорирование; 2)</p>	<p>Предлагают свои тактики деэскалации конфликта.</p> <p>Слушают, записывают стратегии и примеры.</p>

	<p>рациональный диалог (отделять аргументы от эмоций, использовать «Я-сообщения» вместо «Ты-обвинений»); 3) мета-коммуникация (выводить обсуждение на мета-уровень: «Мы перешли на оскорбления, давайте вернемся к теме»). Приводит примеры.</p> <p>Раздает карточки с 2–3 агрессивными комментариями для упражнения «Переформулируй». Задача: для каждого комментария предложить три варианта ответа — игнорирование (с обоснованием), рациональный диалог.</p> <p>Предоставляет слово группам. После каждого представленного варианта инициирует обсуждение: какой вариант наиболее эффективен и почему; какие риски связаны с каждым из вариантов; в каких ситуациях игнорирование может быть</p>	<p>В группах выполняют упражнение: обсуждают, формулируют варианты ответов, записывают их.</p> <p>Зачитывают исходные комментарии и свои варианты ответов. Участвуют в обсуждении, высказывают мнения.</p>
--	--	--

	<p>воспринято как слабость; когда мета-коммуникация может быть воспринята как высокомерие. Подчеркивает: универсальной стратегии не существует, выбор зависит от ситуации.</p>	
<p>Подведение итогов и рефлексия (10 минут)</p>	<p>Задаёт вопросы: 1) Что нового вы узнали сегодня о природе конфликтов в социальных сетях? 2) Какие речевые маркеры конфликта вы теперь будете замечать? 3) Какая стратегия деэскалации кажется вам наиболее эффективной? 4) Изменилось ли ваше отношение к собственным высказываниям в сетевом общении?</p>	<p>Высказываются по желанию (4–5 человек). Отвечают на вопросы, делятся впечатлениями.</p> <p>Резюмируют ключевые выводы: 1) Социальные сети обладают свойствами, провоцирующими конфликты, но знание этих свойств позволяет ими управлять.</p> <p>2) Конфликтогенный текст имеет узнаваемую структуру и маркеры на разных языковых уровнях; умение их распознавать — первый шаг к контролю над ситуацией.</p> <p>3) Участник сетевого общения всегда имеет выбор стратегии; осознанный выбор</p>

		— признак коммуникативной зрелости.
	Благодарит за работу, прощается.	Прощаются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая магистерская диссертация посвящена комплексному анализу речевых средств выражения конфликта в конфликтогенных текстах социальных сетей. Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели — осуществить многоуровневое описание системы речевых средств конфликта с учетом специфики цифровой коммуникативной среды и жанровой организации сетевого дискурса.

Проведенное исследование показало, что конфликтогенный текст в цифровой среде представляет собой сложное, многоуровневое образование. В работе было сформулировано понятие конфликтогенного текста, под которым понимается текст, содержащий речевые средства, способные спровоцировать возникновение конфликта или интенсифицировать уже существующий. Признаками такого текста являются наличие языковых маркеров агрессии на разных уровнях языковой системы, интенциональная направленность на понижение коммуникативного статуса адресата или на провокацию его ответной агрессивной реакции, а также перлокутивный эффект, выражающийся в эскалации конфликтного взаимодействия. Функциями конфликтогенного текста выступают деструктивная, манипулятивная, консолидирующая.

Одним из центральных выводов исследования является положение о том, что социальные сети выступают не нейтральным каналом передачи информации, а активным катализатором речевых конфликтов. Жанрово-дискурсивные особенности — публичность и перформативность, алгоритмическое поощрение негативных реакций и создание оппозиции «свой — чужой» — придают конфликту характер самоподдерживающегося процесса. Лингвокультурные катализаторы — троллинг и погоня за «хайпом», язык вражды и «культура отмены», формирование «словаря ненависти», графические средства выражения агрессии — качественно

трансформируют репертуар речевых средств конфликта, адаптируя его к условиям цифровой среды. Под воздействием этих факторов речевая агрессия перестает быть крайним коммуникативным средством и приобретает статус рутинного, едва ли не нормативного модуса взаимодействия.

В результате исследования была установлена взаимосвязь двух ключевых жанровых форм, образующих структурный каркас конфликтного интернет-дискурса. Пост функционирует как первичный, инициирующий жанр, выполняющий роль тематического «якоря» и задающий вектор потенциального конфликта. Его конфликтогенность варьируется в зависимости от интенциональной направленности автора — от непреднамеренного провоцирования (пост-триггер) до сознательной провокации (пост-провокация, рейджбейт, пост-разоблачение). Комментарий выступает как вторичный, реактивный жанр, образующий основную среду конфликтной эскалации; его высокий конфликтогенный потенциал обусловлен гибридной устно-письменной природой, реактивностью, краткостью и компрессией смысла, а также позиционной закрепленностью в ветке обсуждения.

Ключевым результатом диссертационного исследования стало установление того факта, что речевые средства выражения конфликта в социальных сетях образуют организованную систему, включающую четыре взаимосвязанных уровня.

Лексический уровень составляет содержательное «ядро» конфликтогенного текста. В его рамках прослеживается отчетливая градация от максимально эксплицитных форм агрессии к имплицитным: инвективная и обценная лексика, чье функционирование в цифровой среде трансформируется под влиянием эффекта онлайн-расторможенности, образует ядро конфликтогенного поля; пейоративы и слова-ярлыки занимают центральное положение, обеспечивая символическую дискредитацию

оппонента без выхода за формальные рамки нормативной лексики; хейтерский сленг и идеологически нагруженные эрративы представляют собой специфически сетевое явление, функционируя как свернутые конфликтогенные тексты; периферию поля образуют имплицитные формы агрессии — ирония, сарказм и эвфемизмы, маскирующие враждебность под внешне нейтральные или игровые формы.

Грамматический и словообразовательный уровни формируют имплицитный, но устойчивый «каркас» конфликтогенности. Императивные формы и средства категорического долженствования выступают прямыми инструментами вербального давления; местоименная оппозиция «мы — они» служит грамматическими механизмами конструирования базовой для конфликтного дискурса оппозиции «свой — чужой»; словообразовательные модели с негативно-оценочной семантикой позволяют порождать новые конфликтогенные единицы непосредственно в процессе сетевой коммуникации.

Синтаксический и пунктуационно-графический уровни выполняют двойную функцию: структурируют агрессивное высказывание и одновременно выступают самостоятельными индикаторами стадии и интенсивности конфликта. Парцелляция и эллипсис имитируют серию «словесных ударов»; риторический вопрос функционирует как инструмент завуалированной дискредитации; приемы диалогизации и псевдо-диалогизации обеспечивают структурное подчинение «голоса» оппонента авторской интенции. Капслок, «словесный поток», написание и пунктуационная избыточность образуют самостоятельный визуальный канал выражения агрессии, способный непосредственно воздействовать на перцептивное поле адресата.

Принципиально важным результатом исследования стало обнаружение устойчивой корреляции между синтаксическими и графическими характеристиками конфликтогенного текста и стадией развития конфликта.

Начальная стадия характеризуется относительной синтаксической полнотой и нормативной пунктуацией при появлении первых сигналов потенциальной эскалации — риторических вопросов и категорических констативов. Стадия эскалации маркируется нарастанием доли парцелированных и эллиптических конструкций, активизацией псевдо-диалогизации, появлением первых систематических случаев капслока и пунктуационной избыточности. Стадия пика характеризуется доминированием «словесного потока» и капслока как основного регистра письма. Данная закономерность позволяет рассматривать синтаксические и графические маркеры не только как средства выражения, но и как объективные индикаторы динамики конфликтного взаимодействия.

Результаты диссертации были положены в основу методической разработки — факультативного занятия «Речевой конфликт в социальных сетях: как распознать и что делать?», ориентированного на студентов младших курсов гуманитарных направлений подготовки. Занятие построено на принципах связи теории с практикой, опоры на личный опыт обучающихся, интерактивности и рефлексивности и обеспечивает последовательное движение от теоретического знания об устройстве конфликтного текста через аналитические умения к практическим навыкам выбора стратегий деэскалации.

Проведенное исследование открывает несколько перспективных направлений для дальнейшей научной работы. К их числу относятся: расширение эмпирической базы и сопоставительный анализ конфликтных текстов на материале различных социальных платформ, углубленное изучение мультимодального аспекта — взаимодействия вербального и визуального кодов в конфликтных интернет-текстах, применение методов корпусной лингвистики для получения статистически значимых данных о частотности маркеров агрессии, экспериментальное

изучение восприятия конфликтогенных текстов различными группами пользователей.

Подводя итог, можно констатировать, что проведенное исследование подтвердило системный характер речевых средств выражения конфликта в конфликтогенном тексте социальных сетей. Конфликт в цифровой среде — это сложный, многофакторный и внутренне структурированный феномен, имеющий собственные лингвистические закономерности, жанровую организацию и динамику. Осознание этих закономерностей является необходимым условием для формирования более безопасной, осознанной и конструктивной цифровой коммуникации.

Список использованных источников

1. Асмус, Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Асмус. – Челябинск, 2005. – 265 с.
2. Баранова, Т. А. Формирование конфликтологической компетенции как фактор развития социально-полезной личности в системе высшего профессионального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т. А. Баранова. – СПб., 2010. – 20 с.
3. Балясникова, О. В. Психосемантика конфликта в интернет-текстах [Электронный ресурс] / О. В. Балясникова // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика : материалы X Междунар. конгресса Междунар. общества по прикладной психолингвистике (г. Москва, 26–29 июня 2013 г.). – М., 2013. – URL: http://liconism.com/images/documents/902/2013_isapl_proceedings.pdf (дата обращения: 14.06.2025).
4. Белоус, Н. А. Прагматическая реализация коммуникативных стратегий в конфликтном дискурсе / Н. А. Белоус // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2006. – № 4.
5. Белоус, Н. А. Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения / Н. А. Белоус // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 10.
6. Белоус, Н. А. Когнитивный диссонанс как один из факторов возникновения конфликтного дискурса / Н. А. Белоус // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-dissonans-kak-odin-iz-faktorov-voznikoveniya-konfliktного-diskursa> (дата обращения: 18.11.2025).

7. Белоус, Н. А. Характер коммуникативной личности конфликтного типа / Н. А. Белоус // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 7 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-kommunikativnoy-lichnosti-konfliktного-tipa> (дата обращения: 03.09.2025).
8. Бережная, Г. С. Формирование конфликтологической компетентности педагогов общеобразовательной школы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Г. С. Бережная. – Калининград, 2009. – 46 с.
9. Бредихин, С. Н. Реализация речевой агрессии в жанре интернет-комментария в социальных сетях фронтальных регионов: речеактовая стратификация, лексическое наполнение и тематическая направленность / С. Н. Бредихин, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // *Жанры речи*. – 2025. – Т. 20, вып. 3 (47). – С. 337–350. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-rechevoy-agressii-v-zhanre-internet-kommentariya-v-sotsialnyh-setyah-frontirnyh-regionov-recheaktovaya-stratifikatsiya> (дата обращения: 03.03.2026).
10. Васенина, И. В. Речевая агрессия в социальных сетях Интернета / И. В. Васенина, Г. Б. Прончев // *Образование и право*. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rehevaya-agressiya-v-sotsialnyh-setyah-interneta> (дата обращения: 04.06.2026).
11. Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – М. : Либроком, 2009.
12. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия в публичной коммуникации / Т. А. Воронцова // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы. – М. : Изд-во МГУ, 2004.
13. Гараева, Э. И. Конфликтогенный характер текстов, посвященных феномену чайлдфри: социологический анализ / Э. И. Гараева // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. – 2023. – № 6 (63). – С. 46–51.

14. Горбачева, Е. Ю. Пейоративная коннотация интернет-дискурса в современной разговорной речи / Е. Ю. Горбачева, О. Э. Безрукова // Молодой ученый. – 2016. – № 11 (115). – С. 1688–1690. – URL: <https://moluch.ru/archive/115/30690> (дата обращения: 29.01.2026).
15. Зубарева, А. В. Маркеры конфликтогенного потенциала художественного текста (на материале романа Р. Сенчина «Елтышевы») / А. В. Зубарева // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – № 2 (50).
16. Иваненко, Г. С. Роль жанрово-стилистического анализа в судебном исследовании конфликтного текста / Г. С. Иваненко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (24). – С. 70–73.
17. Карповская, Н. В. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале / Н. В. Карповская, И. Р. Абкадырова, И. И. Давтянц // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – № 1 (2). – С. 14–25.
18. Карповская, Н. В. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в современном русском языке / Н. В. Карповская, И. Р. Абкадырова, И. И. Давтянц. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2022.
19. Крапчетова, О. С. Содержание понятия «конфликтологическая компетентность» в современной психологии / О. С. Крапчетова, В. В. Монжиевская, Л. А. Фомина, М. Ю. Уварова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2023. – №.5-6 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-konfliktologicheskaya-kompetentnost-v-sovremennoy-psihologii> (дата обращения: 14.05.2026).
20. Ким, Л. Г. Комментарий vs интернет-комментарий: к проблеме специфики жанра виртуальной коммуникации / Л. Г. Ким, А. А.

- Рольгайзер // Жанры речи. – 2024. – № 3 (43). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommentariy-vs-internet-kommentariy-k-probleme-spetsifiki-zhanra-virtualnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 23.03.2025).
21. Кичева, И. В. Выражение категории оценки в конфликтогенном тексте / И. В. Кичева // Университетские чтения. – Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2013. – URL: <https://www.pglu.ru/upload/iblock/d9c/p70008.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).
22. Ляшева, М. Н. Лингвокультурные особенности маркеров конфликтогенности в проявлении оппозиции «свой-чужой» / М. Н. Ляшева, В. А. Макеева, Ю. А. Яковлева // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 2 (38). – URL: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.3> (дата обращения: 08.12.2025).
23. Маракулина, П. А. Языковые маркеры конфликтности / П. А. Маракулина // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 10 : в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск : ИВЦ Минфина, 2016. – С. 317–321.
24. Митяева, А. М. Конфликтологическая компетентность будущего специалиста как предмет научного исследования / А. М. Митяева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 2 (46). – С. 273–280.
25. Митягина, В. А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие / В. А. Митягина // Жанры и типа текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. ст. – Орел : Горизонт, 2012. – С. 188–197.
26. Парфёнова, М. С. Специфика коммуникативных стратегий и тактик «языка вражды» в российском сегменте социальных медиа / М. С.

- Парфёнова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2025. – № 2 (56). – С. 16–25.
27. Пешкова, Н. П. Анализ некоторых тенденций в процессах восприятия и понимания текстов масс-медиа (на материале интернет-коммуникации) / Н. П. Пешкова, Д. Р. Гилязова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – № 1. – С. 7–26.
28. Пискун, Е. В. Коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария (на материале комментариев в социальной сети «ВКонтакте») / Е. В. Пискун // Журнал Белорусского государственного университета. Филология = Journal of the Belarusian State University. Philology. – 2024. – № 2. – С. 89–95. – URL: <https://www.elib.bsu.by/handle/123456789/320026> (дата обращения: 12.02.2026).
29. Рогожникова, Т. М. Лингвистические и психолингвистические признаки креолизованного конфликтного текста: технология выявления и описание / Т. М. Рогожникова, Э. А. Салихова // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 1 (38). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-i-psiholingvisticheskie-priznaki-kreolizovannogo-konfliktogennogo-teksta-tehnologiya-vyuavleniya-i-opisanie> (дата обращения: 12.02.2026).
30. Рольгайзер, А. А. Формы выражения речевой агрессии в интернет-комментариях / А. А. Рольгайзер // Медиалингвистика : Материалы докладов участников VII Международной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 года. – Санкт-Петербург : ООО «Медиапапир», 2023. – С. 738–743.
31. Садыкова, И. А. Маркеры конфликтности в русском межличностном дискурсе / И. А. Садыкова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 5-6. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/markery-konfliktnosti-v-russkom-mezhlichnostnom-diskurse> (дата обращения: 03.03.2026).
32. Танабаева, И. Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении / И. Р. Танабаева // Молодой ученый. – 2017. – № 51. – С. 207–210.
33. Тубалова, И. В. «Конфликтогенный текст»: когнитивные и языковые особенности порождения (экспериментальное исследование) / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер, Д. А. Первалова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 360.
34. Ульман, О. А. «Конфликтный», «конфликтогенный» и «спорный» текст: к проблеме дефиниции и соотнесённости понятий / О. А. Ульман // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – 2016. – № 15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-konfliktogennyy-i-spornyy-tekst-k-probleme-definititsii-i-sootnesyonnosti-ponyatiy> (дата обращения: 12.09.2025).
35. Ушаков, А. А. Интернет-дискурс как особый тип речи / А. А. Ушаков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 4. – С. 170–174.
36. Филиппова, М. П. Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения / М. П. Филиппова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2020. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommentariy-i-soobschenie-na-internet-forume-parametry-zhanrovogo-razgranicheniya> (дата обращения: 15.10.2026).
37. Хроменков, П. Н. Коммуникативные особенности конфликта / П. Н. Хроменков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 6-2. – С. 67–69.
38. Шульгинов, В. А. Императивный интернет-комментарий как особый жанр конфликтной интернет-коммуникации / В. А. Шульгинов // Жанры речи. – 2025. – № 3 (47). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/imperativnyy-internet-kommentariy-kak-osobyu-zhanr-konfliktnoy-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 04.02.2026).

39. Leyens, J. Ph. Infra-humanization: The wall of group differences / J. Ph. Leyens, S. Demoulin, J. Vaes, R. Gaunt, M. P. Paladino // *Social Issues and Policy Review*. – 2007. – Vol. 1. – P. 139–172.
40. Rai, A. The algorithmic trap: From feeds to the streets / A. Rai // *Hindustan Times*. – 2025. – 11 October.
41. Suler, J. The online disinhibition effect / J. Suler // *CyberPsychology & Behavior*. – 2004. – Vol. 7, No. 3. – P. 321–326. – DOI: 10.1089/1094931041291295.

Приложение

Данное приложение представляет комплекс упражнений, разработанный с целью формирования и развития конфликтологической компетенции.

Карточка 1. Вариант 1.

Инструкция:

1. Жанр: пост, комментарий, фрагмент трэд-дискуссии? По каким признакам вы это определили?
2. Лексические маркеры: а) инвективы; б) пейоративы и слова-ярлыки; в) хейтерский сленг; г) эрративы.
3. Грамматические маркеры: а) императивы (прямые и смягченные); б) местоименные оппозиции «мы — они»; в) диминутивы-издевки; г) модальные конструкции долженствования.
4. Синтаксические и графические маркеры.
5. Стадия конфликта: начальная / эскалация / пик / затухание. По каким признакам вы это определили?

Материал:

1. Друзья, я долго молчал, но больше не могу!!! Известный блогер @username, которого вы все тут обожаете, на самом деле — обычный плагиатор. Вот скриншоты: слева его "авторский" пост, справа — твит западного эксперта двухдневной давности. Совпадение? Не думаю. Этот персонаж годами строит из себя гуру, а на деле просто переводит и присваивает чужой контент. Ни ссылок, ни упоминаний, ничего. Может, хватит уже носить ему лайки и деньги???. Делайте репост, пусть все знают, кого они читают на самом деле!

Карточка 1. Вариант 2.

Инструкция:

1. Жанр: пост, комментарий, фрагмент трэд-дискуссии? По каким признакам вы это определили?
2. Лексические маркеры: а) инвективы; б) пейоративы и слова-ярлыки; в)

хейтерский сленг; г) эрративы.

3. Грамматические маркеры: а) императивы (прямые и смягченные); б) местоименные оппозиции «мы — они»; в) диминутивы-издевки; г) модальные конструкции долженствования.

4. Синтаксические и графические маркеры.

5. Стадия конфликта: начальная / эскалация / пик / затухание. По каким признакам вы это определили?

Материал:

Пользователь 1: «Очередной бред от диванного эксперта. Ты хоть матчасть выучи, прежде чем позориться. Смотреть стыдно».

Пользователь 2: «Я вам не "диванный эксперт", и матчасть я как раз знаю. Если вы не согласны — приводите аргументы, а не оскорбления».

Пользователь 1: «ОЙ Да ЛаДнО, КАКИЕ МЫ НЕЖНЫЕ!!! Аргументик ему подавай. Фактик. Статеечку. Ты слился, дружок. Свободен».

Пользователь 3: «User1, а чего вы так агритесь? Человек нормально ответил, без хамства. Может, прекратите токсичить?»

Пользователь 1: «@User3, ещё один защитничек выискался. Мы тут вообще-то серьёзные вещи обсуждаем, а не ваши розовые сопли. Вы со своим User2 оба не разбираетесь в теме. Шли бы вы отсюда оба, а?»

Карточка 1. Вариант 3.

Инструкция:

1. Жанр: пост, комментарий, фрагмент трэд-дискуссии? По каким признакам вы это определили?

2. Лексические маркеры: а) инвективы; б) пейоративы и слова-ярлыки; в) хейтерский сленг; г) эрративы.

3. Грамматические маркеры: а) императивы (прямые и смягченные); б) местоименные оппозиции «мы — они»; в) диминутивы-издевки; г) модальные конструкции долженствования.

4. Синтаксические и графические маркеры.

5. Стадия конфликта: начальная / эскалация / пик / затухание. По каким признакам вы это определили?

Материал:

Пользователь 1: «ТВОИ АРГУМЕНТЫ?????? ЭТО ЖЕ ПРОСТО НАБОР СЛОВ!!!!!! ТЫ ХОТЬ САМ-ТО ПОНЯЛ, ЧТО НАПИСАЛ??????»

Пользователь 2: «Давайте без крика. Я готов обсуждать спокойно. Объясните, что именно вам непонятно в моём сообщении, и я поясню».

Пользователь 1: «оЙ Да ЛаДнО, СпОкОйНый нашёлся. Объяснять ему. Может, тебе ещё на пальцах показать??? азбуку принести??? смешно просто».

Пользователь 2: «Ну хорошо. Раз объяснять вы мне ничего не хотите, тогда конструктивного диалога не получится».

Карточка 2. Вариант 1.

Инструкция:

Для каждого комментария предложите три варианта ответа: игнорирование (с обоснованием), рациональный диалог.

Материал:

1. «Ты вообще читать умеешь? Я же русским языком написал, а ты всё переврал. Либо глаза разуй, либо не позорься».

Карточка 2. Вариант 2.

Инструкция:

Для каждого комментария предложите три варианта ответа: игнорирование (с обоснованием), рациональный диалог.

Материал:

«Слушай, "эксперт", твои советы — полный отстой. Ты хоть раз в жизни делал то, о чём пишешь? Иди отсюда, не смеди людей».

Карточка 2. Вариант 3

Инструкция:

Для каждого комментария предложите три варианта ответа: игнорирование (с обоснованием), рациональный диалог.

Материал:

«Ой, какая прелесть! Очередной гений из интернета решил нас просветить. А где Ваша Нобелевская премия, позвольте узнать? Нет? Ну тогда, может, не надо тут из себя великого мыслителя строить? Хотя продолжайте, продолжайте, это очень весело — смотреть, как Вы тут распинаетесь. Жду следующего шедевра, не разочаруйте!»